

АЛЕКСЕЙ АРЖАНОВ

ВИКТОР МОЛОТОВ

ТОЛЬКО ОДИН УКОЛЬЧИК!

ЧОКНУТЬСЯ
МОЖНО!

Виктор Молотов
Чокнуться можно!

«Автор»

«Автор»

2026

Молотов В.

Чокнуться можно! / В. Молотов — «Автор», «Автор», 2026

Весеннее обострение? Моё началось с того, что я переродился. Лучший психиатр своего времени — в теле уголовника, за которым охотятся очень серьёзные люди. Выход? Спрятаться там, где никто не будет искать — в больнице маленького городка. Сменить имя. Не высовываться. Только от Системы не спрячешься. Тело уголовника её не тянет, совместимость на нуле. Если не прокачаюсь, то оно меня убьёт. А прокачка у психиатра одна: лечить, диагностировать, залезать в чужие головы. Хорошо, что пациентов тут хватает. Плохо, что те, кто ищет прежнего хозяина этого тела, уже в городе. А ещё сегодня ко мне на приём записался император Римской империи!

© Молотов В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Молотов, Алексей Аржанов

Чокнуться можно!

Глава 1

2026 год. Российская Федерация. Тиховолжская районная больница.

— Алексей Сергеевич! Там ещё один псих пожаловал. Говорят, тяжёлый!

Дверь кабинета распахнулась без стука. Ко мне влетела моя медсестра. Молодая, пышная Екатерина. Взмыленная, уставшая. Пуговицы на её халате едва держались. Он явно был ей не по размеру. Катя еле дышала. Видимо, бегом забралась на третий этаж.

— Что за пациент? — откликнулся я. — Опять подозрение на шизофрению?

— А как же! Скорее всего, — закивала Екатерина. — Утверждает, что он Юлий Цезарь! Я тяжело вздохнул, но не спешил отрываться от заполнения медицинской карты.

Уже третий император за неделю. Такое впечатление, что я не в России живу, а в какой-нибудь Римской Империи!

Правда, на этот раз я понимал — меня ждёт не обычный пациент, который ни с того ни с сего возомнил себя правителем. Если это «тот самый» Цезарь, о котором я думаю, тогда мне предстоит очень непростой разговор.

— В третью смотровую его? — откладывая бумаги, уточнил я.

— Да, санитары его там усадили! Вроде не буйный, — пожал плечами Екатерина. — Сам пришёл. Но чёрт его знает! Как бы не повторилась прошлая история. Помните, как в тот раз, когда наш псих на терапевта напал?

— Помню-помню, — ответил я. — Успокойся, Катюш, не повторится. Я уже иду.

Хотя история, о которой она говорит, произошла задолго до моего трудоустройства в эту клинику. Предыдущий психиатр накосячил. Недосмотрел за больным. В итоге пострадал человек. Я работаю тут чуть меньше месяца, но уже не раз сталкивался с последствиями произошедшего.

Город маленький, слухи распространяются быстро. Люди тут и так с недоверием относятся к представителям моей специальности. Так ещё и уволившийся коллега репутацию подпортил.

Я поднялся, поправил идеально отглаженный белый халат и направился на первый этаж, чтобы «осмотреть» неожиданно возникшего больного. Коридор был полон людей. Самый разгар приёма. Участковые терапевты зашиваются.

Медицинский персонал и пациенты хмуро смотрят мне вслед. Меня пока мало кто знает в этой клинике. И уж точно ни один человек даже не догадывается, кем я являюсь на самом деле.

В смотровой находилось три человека. Два молодых санитары и сам «пациент». Коренастый мужчина развалился на кушетке с таким видом, будто он здесь хозяин. Увидев меня, он криво усмехнулся. Но не стал начинать разговор, пока я не прогнал санитаров.

— Можете оставить нас наедине, господа, — поправив очки, произнёс я. — С этим «товарищем» я уже знаком. Он не буйный, разберусь сам.

Зараза, ещё и к очкам приходится привыкать. Никогда их не носил в прошлой жизни. Но здесь приходится. Пользуюсь обычными стёклами. Они хорошо скрывают блеск моих глаз, когда я активирую способности своей системы.

— Уверены, Алексей Сергеевич? — уточнил Валентин, один из санитаров. — Мы, если что, его подержим. Как можем — поможем, так сказать.

— Брось, — буркнул второй санитар, Владимир. — Доктор сказал справится сам. Пойдём, у нас и так работы навалом.

Не могу без смеха наблюдать за этой парочкой. Эти двое — единственная пара мужчин, работающих санитарями в нашей больнице. Кроме них, только санитарки, поэтому с буйными пациентами мне обычно помогают только эти двое.

Смешна эта картина тем, что Владимир и Валентин — близнецы. Двое из ларца... Так их обычно и называют. Худощавые, будто только что из концлагеря выбрались. Даже если пациент буйствовать начнёт — они мне ничем не помогут.

Но этот «Цезарь» буянить не будет. Вот только это не означает, что его появление пройдёт для меня беспроблемно. Уж этого парня я давным-давно насквозь прочёл.

Владимир утащил Валентина из смотровой под предлогом рабочего завала. Хотя на самом деле никакой работы у них сейчас нет. Просто Вова вечно пытается откосить от труда, а Валя, наоборот, всячески пытается помочь коллегам. Как «добрый» и «злой» близнец. Цирк, да и только. Иногда мне кажется, что я и вправду в психушке работаю.

Наконец, мы с пациентом остались одни. Теперь я мог не скрываться, камер в смотровой нет.

— Цезарь, ты что здесь забыл? Совсем страх потерял? — я закрыл дверь на защелку и обернулся к «пациенту».

— А как к тебе ещё прорваться, док? — хмыкнул он. — Ты же на дно залёг, шифруешься под интеллигента. А мне, вообще-то, помощь твоя требуется. Выпиши чего-нибудь... позаботистее, по-братски, а? Для тонуса.

— Сбрэндил? — я подошёл к нему вплотную, взглянул на Цезаря сверху вниз. — Я тебе сейчас таких транквилизаторов пропишу, что ты не то что имя — родной адрес забудешь на месяц.

Цезарь примирительно поднял ладони. Со мной он спорить не смел. Хорошо, что ещё никто не понял, что в смотровую прошёл не псих, а самый обыкновенный преступник. Цезарь — не выдумка шизофреника. Это кличка.

— Ладно-ладно, не кипятись, шеф. Я вообще по делу. Ты же сам втирал: «Никаких контактов, пока тебя ищут. Пока хвосты не обрубим».

— Ну? И чего же ты припёрся тогда? — я прищурился. Внутри неприятно кольнуло. Моя спокойная жизнь в теле провинциального врача начала давать трещину.

— Врачишка этот... — Цезарь понизил голос, — чьё имя ты приватизировал. Совсем берега попутал. Звонил из Таиланда, орёт, что деньги кончились. Даёт неделю на перевод, иначе обещает вернуться и лично заявить в органы, что его диплом и место в этой богадельне занял какой-то левый хмырь.

Я молча подошёл к окну. В кармане было пусто — последние крохи ушли на «аренду» этой легенды и подкуп нужных людей.

— Пятый раз мне названивает, всю душу вытряс! — прошипел Цезарь. — Я с ним как только ни собачился. Пытался пояснить ситуацию, а он ни в какую! Сделай что-нибудь, братан, а то я за себя не отвечаю.

Так он просто пришёл плохие новости сообщить. А препараты решил заодно выпросить. Хитрец! Нет уж. Я нарушать законы, как предыдущий владелец этого тела, не стану. Достаточно и того, что я уже один раз был вынужден заменить паспорт.

Стать другим человеком.

— Ладно. Разберусь, — отрезал я. — Всё, шуруй отсюда, «император». И чтоб в ближайший месяц я тебя только в учебниках истории видел.

Цезарь не стал спорить. Лишь махнул рукой, а затем пошагал к выходу из поликлиники. Ко мне он относится с большим уважением. А всё потому, что мой предшественник был серьёзным авторитетом в его кругах.

Я вышел в фойе вслед за ним. Катюша, дежурившая под дверью с заготовленным шприцем, чуть не упала через порог смотровой.

— Алексей Сергеевич? Вы его отпускаете?! Он же... Цезарь!

— Здоров как бык, Катюша, — я прошел мимо неё. — Обычная симуляция. Попытался откосить от призыва. Видать, начитался сомнительной литературы. Подумал, что я не раскушу. Возвращаемся к работе. У нас её ещё много!

Медсестра осталась стоять с открытым ртом, глядя вслед уходящему бандиту, который на прощание подмигнул ей, поправил фуражку и покинул здание поликлиники.

Вернувшись в кабинет, я первым делом вымыл руки. Тщательно, до скрипа, как привык делать в стерильных боксах своего времени. Местная вода пахла ржавчиной и хлоркой, но это помогало смыть липкое ощущение от визита Цезаря.

— Катя, — бросил я через плечо, — кто там следующий по записи? Надеюсь, на этот раз без императоров и богов?

Екатерина рассмеялась. Её всегда смешила лёгкая ирония, с которой я отношусь к пациентам. А как иначе? В нашей профессии нужно сохранять хоть какое-то чувство юмора. В противном случае можно присоединиться к числу своих же пациентов.

Медсестра нахмурилась, принялась шуршать картами.

— Там молодой парень, Алексей Сергеевич. Давно записался на приём. Плановый пациент, — отозвалась медсестра, подготавливая документы к приёму. — Вроде спокойный, но вид... затравленный какой-то.

— Приглашайте, — велел я.

В кабинет вошёл молодой человек лет двадцати пяти. Ровно подстриженный, в чистой одежде. Но вёл себя излишне суетливо. Возможно, переживает из-за первой явки к человеку моей специальности. Для многих психиатр и психотерапевт — это табу.

Он оглянулся на дверь, будто проверял, не идёт ли за ним хвост, и боком примостился на край стула.

— Итак, Семён Викторович, значит... — я пробежался глазами по амбулаторной карте пациента. — Рассказывайте, что вас беспокоит. Только расслабьтесь, пожалуйста. Я вас не укушу.

— Доктор... я это... — он сглотнул. — Кажется, я того. Слышу её.

— Кого — её? — я откинулся на спинку кресла, скрестил пальцы. Очки чуть сползли на переносицу, но не стал их поправлять.

Моя система, едва тлеющая на задворках сознания, выдала короткую сводку.

Пульс 110, зрачки расширены, микротремор кистей. Уровень кортизола зашкаливает/Интересно... Значит, пациент точно «мой».

Там, откуда я пришёл, у моих коллег была такая же система. Они могли изучать пациентов досконально. Искать патологии в любой системе органов. Но моя система нацелена только на невротические и психические болезни.

На душевные патологии.

Раз система сходу выдала мне базовый набор информации, значит, у этого пациента точно есть проблемы из моей сферы.

— Я слышу женщину. Голос, — парень заговорил шёпотом. — Она постоянно со мной. Говорит, что в квартире грязно, что борщ мой — не еда, а помой. А ещё... Ещё говорит, что Ленка мне не пара.

Я задумался. Обычно голоса в голове сразу приписывают к шизофрении. Однако тут ситуация иная. Шизофренические голоса обычно более абстрактны. Как правило, они отдают приказы, владеют человеком. А тут — бытовая критика.

— Давно это началось? — спросил я, внимательно изучая его реакцию.

— С ноября. Как раз как тёща в соседний подъезд переехала... — парень потёр лицо ладонями. — Доктор, она ведь даже когда я один, зудит и зудит. «Окна не мыты, пол не подметён...» Я уже и Ленку выгнал на неделю, думал — пройдёт. Не проходит!

Я замолчал, перевёл взгляд на картину за окном. Иногда пациентов слишком напрягает, если врач слишком пристально на них смотрит. Поэтому я дал ему полминуты отдыха от моего внимания.

Пазл в голове сложился за доли секунды. В будущем мы называли это «акустическим психозом на фоне депривации сна», но здесь всё куда прозаичнее.

— Где живёте? В панельке? — коротко спросил я.

— А? — вздрогнул пациент. — Да, пятиэтажка старая.

— Вентиляция на кухне общая с соседями?

— Ну да... — он захлопал глазами. — А это при чём?

— А при том, — я чуть подался вперед. — Ваша тёща, судя по всему, женщина общительная. И целый день висит на телефоне с подругами. Обсуждает ваш быт. А вы, дорогой мой, благодаря чудесам советской архитектуры и открытой вытяжке слышите её подробный разбор вашей жизни в прямом эфире.

Парень замер. Его рот медленно открылся.

— Но..., но я же слышу это даже в спальне!

— Мозг — штука коварная. Очень коварная! — я позволил себе улыбнуться. — При длительном стрессе он перестаёт отличать внешние события от внутренних мыслей. Он просто «дорисовывает» звук там, где его нет. По привычке! Давайте проведём простой тест. Когда вы уходите из дома на работу, голос пропадает?

Парень на мгновение задумался. Его лицо начало медленно светлеть. Бледность исчезла, на щеках появился здоровый румянец

— Блин... да! Точно! Когда в офисе сижу — тишина. А что, это важно? Я просто думал, что она меня там стесняется беспокоить... Поэтому и молчит.

— Она вас не стесняется, просто дотуда не докрикивается, — я улыбнулся, взял рецептурный бланк и размашистым почерком написал на нём всего одно слово. — Вот ваш рецепт. Беруши. И серьёзный разговор с женой о переезде. Желательно — в другой район. А лучше — в другой город.

Парень вскочил, схватил листок так, будто я ему предоставил счёт на пару миллионов рублей.

— Доктор... вы серьёзно? Так я — не псих? Не схожу с ума?

— Вы не против, если я скажу вам прямо, без лишней медицинской этики? — спросил я.

— К-конечно, — закивал пациент.

— Вы просто очень сильно задолбались, — резюмировал я. — Вот и всё.

Уже на самом пороге он притормозил, обернулся и с какой-то странной надеждой в голосе спросил:

— Доктор, а может, проще тёщу в стену замуровать? Ну, для звукоизоляции?

Я поправил очки, в которых на долю секунды мелькнула системная полоса интерфейса.

— Это уже к другому специалисту. По уголовным делам. Лучше не перегибайте палку. Послушайтесь моего совета. А пока — свободны.

Когда дверь закрылась, я услышал, как Екатерина тихо хихикнула. Моя репутация в этой больнице только что выросла на пару пунктов. Но проблема с настоящим Астаховым и пустым карманом никуда не делась.

Но об этом я подумаю после работы. А сейчас нужно разобраться с оставшимися пациентами. Пока что их не так уж и много. Не спешат жители Тиховолжска обращаться ко мне за помощью.

Однако это скоро изменится.

Приём подошёл к концу. Дверь за последним на сегодня пациентом закрылась. Катю я отпустил пораньше, сегодня она мне уже не понадобится.

Затем дождался, пока затихнут шаги в коридоре, и только тогда позволил себе выдохнуть. Избавился от «маски» и погрузился в свои мысли.

Ох, а масок теперь я ношу очень много! Мало того, что я прибыл сюда из другого мира. Так после прибытия мне пришлось ещё раз поменять личность, чтобы жить не как уголовник, а как врач, которым я привык быть.

Я снял очки, положив их на стопку пустых бланков, и с силой потёр переносицу. Стоило закрыть глаза, как на внутренней стороне век замерцал полупрозрачный, едва различимый интерфейс. Он выглядел жалко — серые, «битые» пиксели и вечно висящая иконка загрузки.

/Калибровка совместимости с телом: 4,2%.../

/Связь с Ноосферой: отсутствует. Продолжаем работу в автономном режиме/

— Четыре и два, — прошептал я. — Прогресс просто «поразительный».

Раньше там было совершенно другое число. Близкое к сотне процентов. Но в новом теле мне пока что такой результат не светит.

В моём времени я был лучшим диагностом сектора психиатрии и психотерапии.

Я мог за секунды определить, из чего состоит личность. Достаточно было мимолётного взгляда, чтобы ИИ разложил сознание пациента на слои, выявил депрессии, скрытые мании или зачатки распада личности. В моём мире система работала за счёт контакта с Ноосферой. Информационной средой.

Но здесь её нет. Ещё не создали. Я ведь пришёл не из другого мира, а из будущего. А как я здесь оказался... Это уже совсем другая история. Даже вспоминать не хочется.

Меня больше беспокоил другой факт. В прошлой жизни я мог всё. Даже шизофрению исцелял по щелчку пальца.

А здесь? Здесь я гадаю на кофейной гуще, выслушивая бредни про тещ в вентиляции. Нейроимплант теперь тянет только базовые функции. А тело, в котором я заперт, когда-то принадлежало криминальному авторитету, который умудрился добраться до верхушки подпольного мира ещё до того, как ему стукнул тридцатник. И попал я в это тело прямо в тот момент, когда предшественник вышел из тюрьмы.

Сейчас мне всего лишь двадцать пять лет. И по факту, и по новым документам.

Но во всей этой непростой ситуации я вижу и нечто светлое. Путь к реабилитации. Тело молодое — у меня есть все шансы подтянуть здоровье, за которым предшественник особо и не следил.

Кроме того, нейроинтерфейс, который перенёсся со мной в прошлое, обладает способностью к самообучаемости. Если я продолжу трудиться в своей стезе, рано или поздно он сможет достичь былых высот.

Но пока что приходится довольствоваться отметкой в «4,2%».

Ах да... И в довершение всего — настоящий Астахов. Человек-пустышка, который может разрушить мою легенду просто потому, что ему не хватает на коктейли в Таиланде. Он продал мне свою личность, чтобы сбежать из страны, но этот человек ещё может создать ряд проблем.

Через неделю моё прикрытие может схлопнуться, и тогда вместо уютного кабинета меня ждёт либо допрос в ФСБ, либо пуля от бывших поделщиков этого тела.

Я открыл глаза и посмотрел на свои руки. На костяшках виднеются старые шрамы. Следы прошлого этого тела.

Странно, но случай с сегодняшним пациентом оставил приятное послевкусие...

Глубокое удовлетворение. Там, в будущем, я был оператором системы. Здесь же я снова стал простым врачом. Приходится работать самостоятельно, используя лишь минимальную помощь от ИИ.

Но мне это нравится. Я всегда любил свою работу. И раз уж я оказался здесь, продолжу и дальше помогать людям. Таково моё призвание — лечить не тела, но души своих пациентов.

Мысль оборвалась. Меня отвлекло системное сообщение. Странно, в последнее время она редко сообщает мне что-то без прямого приказа. На это стоит обратить внимание.

/ВНИМАНИЕ! Обнаружен входящий объект/

/Дистанция: 5 метров/

/Эмоциональный фон: АНОМАЛЬНЫЙ/

Я не успел осмыслить предупреждение, как в дверь коротко, но властно постучали. Это не был стук испуганного пациента или вежливой Екатерины. Так стучат люди, которые приходят, чтобы что-то требовать.

Дверь распахнулась, и в кабинет, не дожидаясь приглашения, ввалился Степан Аркадьевич Капитанов — заведующий отделением узких специалистов. Тип, который мне с самого первого дня не понравился. Редкостный болван с амбициями Наполеона.

Я сразу почувствовал запах коньяка. Готов поклясться, что Капитанов употребил подарки пациентов ещё с самого утра.

Его эмоциональный фон всегда напоминал грязную лужу — мутно-коричневый. Жадность, зависимости, гордыня — все «грехи» в себе собрал.

— Алексей Сергеевич, голубчик! — фальшиво улыбаясь, протянул он. — У меня для вас новости. Нашу Катюшу я с завтрашнего дня переправляю в процедурку к хирургам, там руки нужнее. А вам на стажировку определили новенькую. Знакомьтесь!

Из-за его широкой спины шагнула стройная молодая девушка. Белый халат сидел на ней как влитой. Взгляд прямой, уверенный.

— Полина Викторовна Гордеева, — представилась она, чуть склонив голову. — Первый рабочий день. Надеюсь на плодотворное сотрудничество, доктор.

Я бросил на неё внимательный взгляд и по привычке активировал навык «Диагноста». Система мигнула и выдала результат.

Я едва не поперхнулся.

/Объект: Гордеева П. В. Статус: стажёр/

/Эмоциональный фон: зелёный. Ровный/

Ни тени тревоги. Ни капли страха перед новым местом, суровым заведованием или психиатром с неясной репутацией. В этой поликлинике не испытывают стресс только сумасшедшие, которых посещают мирные галлюцинации. А эта девица была спокойна как скала. Я отметил этот факт и убрал его в дальний ящик сознания — сейчас было не до загадок нового персонала.

— Благодарю, что проинформировали. Жаль, что Катерину переводят. Но за новенькой я прослежу. Свободны, Степан Аркадьевич, — холодно бросил я заведующему. Тот лишь хмыкнул и испарился.

Полина подошла к столу, её движения были чётко выверенными и невероятно точными. Совсем не похожа на обычную «вчерашнюю» студентку.

— Алексей Сергеевич, там пациентка, — тихо произнесла она. — Поступила вчера ночью на скорой. Дежурные терапевты не справляются. Они в ужасе. Пациентка не буйная, просто... странная. Возьмёте на осмотр?

Я посмотрел на часы. Рабочий день официально закончился пять минут назад. За дополнительную нагрузку мне точно никто не доплатит. Но профессиональный инстинкт — штука посильнее жажды наживы. Если человеку нужна помощь, я её окажу. Даже если мне это невыгодно.

— Приглашайте, — кивнул я. — Полина, попросите, чтобы мне передали её карту из стационара. Или историю болезни, если её успели завести.

Медсестра вышла, и через минуту в кабинет вошла женщина. Лет тридцать пять, серое платье, волосы убраны в тугий пучок. Она села на стул напротив меня, аккуратно сложив руки на коленях.

Наступила тяжёлая тишина.

— Представьтесь, пожалуйста, — начал я стандартно, стараясь подстроиться под индивидуальный ритм пациента. — Расскажите, как вы себя чувствуете? Что вас беспокоит?

Женщина молчала. Её взгляд был направлен куда-то сквозь меня, в точку за моим плечом. Я активировал систему на полную мощность, ожидая увидеть привычный эмоциональный спектр.

Интерфейс перед глазами на мгновение зарябил.

/ОШИБКА. Считывание эмоционального фона невозможно/

/Анализ причин: невозможность разговора из-за присутствия постороннего/

Система не могла зацепиться за цвет, но выдала косвенный параметр. Мой ИИ в будущем называл это «эффектом лишнего наблюдателя». Пациентка не была в коме или трансе — она просто не собиралась открываться, пока в кабинете находился кто-то ещё. Её застывшая поза была не симптомом болезни, а формой глухой обороны.

Я бросил короткий взгляд на Полину. Та стояла у шкафа, идеально спокойная и невозмутимая. С тем самым ровным зелёным фоном, который уже начал меня раздражать. А раздражал он меня исключительно из-за того, что я пока что не мог понять — что же не так с моей новой медсестрой.

— Полина Викторовна, — произнёс я, — спуститесь, пожалуйста, в регистратуру. Подготовьте полный список пациентов на завтрашнее утро. Мне нужно свериться с графиком стационара до того, как архив закроют.

Медсестра на секунду замешкалась — всего на мгновение — но спорить не стала.

— Как скажете, Алексей Сергеевич.

Стоило двери за ней закрыться, как «белый шум» в кабинете изменился. Женщина медленно перевела взгляд на меня. Её глаза, до этого пустые, вдруг наполнились пугающей, лихорадочной решимостью.

— Вы ведь не такой, как они, — прошептала она. Голос был сухим, надтреснутым. — Вы же видите... видите, что они со мной делают?

Я не успел ответить. Женщина рывком поднялась со стула. Её движения были резкими, ломаными. Прежде чем я успел вставить хоть слово, она потянула за молнию на спине серого платья. Ткань с шорохом опала к её ногам. Следом на пол полетел лифчик.

Я замер, не меняя позы, хотя мой внутренний ИИ взвыл целым каскадом предупреждений о нарушении протокола. Она стояла передо мной обнажённая по пояс и смотрела на меня так, будто я был её последним шансом на спасение.

И именно в этот момент дверь кабинета с грохотом распахнулась. Без стука. По-хозяйски.

— Алексей Сергеевич, я тут посмотрел ваши документы... — в кабинет вошёл Степан Аркадьевич Капитанов.

Заведующий даже не поднял головы от своего журнала, перелистывая страницы на ходу. Он выглядел взбудораженным, его мутно-коричневый фон так и искрил злорадством.

— Сделали мы, знаете ли, запрос в вашу прошлую клинику, — продолжал он, не глядя на меня. — В ту, где вы до переезда числились. И знаете, что ваши бывшие коллеги говорят? Там всё, оказывается, было очень, очень не гладко. Много вопросов к вашей практике, Астахов. Очень много. Я бы хотел услышать ваши объяснения...

Капитанов наконец поднял глаза. Запланировал сделать эффектную паузу, но всё пошло не по плану. Его взгляд упёрся в обнажённую женщину, стоящую посреди кабинета психиатра в нерабочее время, а затем перевёл на меня.

Журнал выпал из его рук, с хлопком ударившись о кафедру.

— Алексей Сергеевич... — прохрипел заведующий, и его лицо начало стремительно наливаться багровым цветом. — Что здесь... Какого... Какого чёрта у вас тут происходит?!

Глава 2

Полная задница.

Это была первая мысль, которая пришла мне в голову.

Вторая мысль — скоро я наконец-то узнаю, из-за чего настоящий Астахов покинул страну. Эту информацию мне не выдали при «покупке» документов даже при том, что я настаивал на этом.

Капитанов побагровел. Его взгляд бегал из стороны в сторону. И судя по выражению лица заведующего, в личном деле Астахова могут оказаться не обычные выговоры. Возможно, его собирались лишить права на оказание медицинской помощи или даже привлечь к уголовной ответственности.

Я понимал риски. Знал, что рано или поздно нечто подобное могло случиться. Но лучше уж разгрести за Астаховым, работая в своей сфере, чем продолжать дело предшественника и вертеться в преступных кругах.

Сейчас передо мной стоит полуобнажённая женщина, рядом дымился от ярости начальник, а у меня в арсенале — жалкие четыре процента калибровки. Единственное, чем мне сейчас может помочь система — это показать, как фонит Капитанов. А это я и без нейроинтерфейса знаю.

Он яростно жаждет мне подгадить. Почему — не знаю. Но на руках у него все козыри.

У меня же нет ни одной старой способности. Будь система на максимальном уровне развития, я бы одним махом вылечил пациентку, а Капитанова заставил плясать под свою дудку до конца жизни.

Единственно моё оружие на данный момент — голая харизма и профессиональный цинизм психиатра.

Ну, погнали!

— Степан Аркадьевич, — произнёс я, не вставая с кресла. Не дрогнул, старался сохранять спокойствие. — Закройте дверь. С той стороны.

— Что?! — специалист чуть не захлебнулся воздухом. — Астахов, вы в своём уме? Вы что здесь устроили? Нудистский пляж в бюджетном учреждении? Я сейчас полицию вызову!

Я медленно поднялся и загородил собой женщину. Она, кстати, даже не вздрогнула — просто стояла, глядя в стену, словно всё происходящее её не касалось.

— Полицию? Прекрасная идея, — я слегка склонил голову. — Заодно объясните им, почему заведующий отделением врывается в кабинет психиатра во время острого психомоторного возбуждения пациента. Вы ведь нарушаете режим конфиденциальности. А это вполне может привести к тому, что пациентка себе навредит.

— Чего-чего?! — Капитанов попятился, поспешно поднял журнал с пола. Но взгляда от меня не отвёл. Будто боялся, что я могу в любой момент на него наброситься.

— Типичная реакция на бредовые идеи, — я на ходу сочинял диагноз, который в моём времени назвали бы «информационным шумом», но здесь сойдет за тяжёлую истерию. Я перешёл на шёпот, чтобы пациентка не слышала, какую чушь я втираю своему начальнику. — Больная считает одежду... вредоносной. Если вы сейчас не выйдете, она начнёт сдирать с себя не только одежду, но и кожу. Вы готовы подписывать протокол и отвечать за её травмы?

Капитанов замер. Его грязно-коричневый фон сменился на тревожно-жёлтый. Я понимал, что больше всего на свете заведующий не хочет брать на себя лишнюю ответственность.

— Но сейчас вечер! — прошипел он, косясь на голые плечи пациентки. — Рабочий день окончен. Психиатры не раздевают пациентов в семь вечера, Астахов! Это... это неэтично!

— Этично в данном случае — как можно скорее оказать человеку медицинскую помощь. Даже в нерабочие часы, — отрезал я и сделал шаг вперёд. Старался поскорее вывести его из кабинета. — У меня тут тяжёлый случай.

— У вас всегда тяжёлые случаи! Это не оправдание! — продолжал брыкаться он.

— Последний раз прошу. Ради вашего же блага. Уйдите, Степан Аркадьевич, — я принялся шептать так, что даже Капитанову пришлось напрячься, чтобы расслышать мои слова. — Пока она не начала кричать, что вы пытались её изнасиловать. С таким диагнозом ей поверят охотнее, чем вам.

Заведующий побледнел. Он посмотрел на меня так, будто я ему только что смертной казнь пригрозил. Затем Степан Аркадьевич дёргано поправил галстук и сдался.

— Хорошо... Хорошо! — он начал пятиться к выходу. — Но учтите, Астахов. Это вам так просто с рук не сойдет. Одевайте её и... через десять минут ко мне в кабинет.

Он потряс журналом, в котором, видимо, лежала распечатка с «подвигами» настоящего владельца моего диплома.

— Нам нужно очень серьёзно обсудить ваше прошлое. Там такие факты всплыли... В общем, жду. И не вздумайте сбежать через окно! — напоследок бросил он.

Дверь захлопнулась с такой силой, что штукатурка над косяком жалобно хрустнула.

Я остался один на один с женщиной-загадкой. Эмоциональный фон вокруг неё снова превратился в белый шум.

Но на секунду — буквально на миг — в интерфейсе появились изменения.

/Совместимость с телом: 3,9%/

Падает, зараза! Видимо, стресс сильно мешает калибровке. И последние несколько месяцев она только снижается. Чуть до одного процента не добралась.

А если это случится...

/При падении уровня калибровки ниже 1% из-за конфликта между нейроинтерфейсом и головным мозгом пользователя наступит гибель последнего/

Да-да. Об этом и речь.

— Ну что, представление окончено, — я вздохнул и указал на платье, лежащее на полу. — Зритель ушёл, причём крайне недовольный. А меня наготой не удивить, — я заглянул в её медицинскую карточку. — Одевайтесь, Марина Дмитриевна. Сейчас не май месяц, да и Капитанов может вернуться с группой поддержки.

Она посмотрела на платье с таким видом, будто я предлагал ей надеть колючую проволоку. Но всё же медленно наклонилась и начала одеваться. Без стыда, просто нехотя, как ребёнок, которого заставляют обмотаться шарфом.

Я тем временем принялся изучать её историю болезни.

Так, посмотрим...

Привезли вчера ночью. Давление шарахнуло под двести, лицо красное, руки трясутся. А через час после капельницы она устроила в отделении «представление». Ходила по палатам и демонстрировала соседям всё, что скрыто под платьем. Мужики в стационаре, конечно, взбодрились, но дежурный врач юмора не оценил.

— Значит, давление, — пробормотал я и поправил очки. — И что в итоге? Поставили капельницу, полегчало — и сразу потянуло на подвиги?

Марина застегнула молнию и села на стул, сложила руки на коленях. Теперь она выглядела как обычная уставшая женщина, только глаза подозрительно блестели. Система дала подсказку.

/Эмоциональный фон из «белого шума» начал окрашиваться в розово-тревожный/

— Доктор, мне просто... жарко, — заявила пациентка. — Внутри всё горит. Будто кожа тесная стала. Если я не сниму всё это, мне кажется, будто я просто лопну.

— Знакомая история, — я усмехнулся. — Называется это, Марина, гиперсексуальность на фоне маниакального приступа. Звучит сложно, но на деле ничего необычного. Ваш мозг сейчас работает как перегретый мотор. Я бы даже сказал, что он искрит. А давление у вас подскочило именно потому, что вы пытались это в себе задушить. Держались до последнего, вот «мотор» и не выдержал.

— И что теперь? — она испуганно посмотрела мне в глаза. — Меня в палату с решётками отправят? На таблетки посадят, от которых овощами становятся?

— Зачем сразу овощами? — пожал плечами я. Старался говорить максимально спокойно. Лишняя тревожность ей сейчас ни к чему. Всё только усугубится. — Давайте договоримся! Вы будете приходить ко мне на приём. Регулярно. Я подберу вам мягкие препараты, чтобы искры не превращались в пожар. А взамен вы пообещаете, что будете раздеваться только дома и в гордом одиночестве. Ну, или хотя бы при муже. Идёт?

Марина замялась, потом медленно кивнула.

— Мне правда стало легче, когда я... ну, оказалась здесь. Вы не орали. Не звали санитаров, — прошептала она.

— Работа такая, — улыбнулся я. — У меня тут и не такое бывает. Я лично знаю почти всех известных императоров и всю родословную британской короны. Идите в палату, Марина. Отдыхайте. И постарайтесь не смущать дежурную смену.

А то Капитанов точно меня живьём съест.

Она поднялась, поправила платье и на выходе вдруг обернулась. В её взгляде было столько искренней благодарности, что мой интерфейс на мгновение выдал отчётливое зелёное мерцание.

— Спасибо, Алексей Сергеевич. Вы... настоящий доктор. Не такой, как те, другие.

Если бы она знала, насколько я другой.

Дверь закрылась, а я принялся быстро заполнять отчёт.

Давление у неё упало, фон стабилизировался. Маленькая победа. Но впереди мне предстоит ещё один непростой разговор.

Капитанов уже ждёт меня со своим компроматом. Пора идти на «казнь».

Я вышел из кабинета, потирая ноющие виски. Головная боль — главный побочный эффект частого использования нейроинтерфейса.

У двери, привалившись к стене, стояла Полина. В руках она всё ещё держала журнал из регистратуры. Её лицо не выражало ровным счётом ничего, а «эмоциональный фон» по-прежнему светился ровным, безмятежно-зелёным цветом.

Мимо нас в сторону стационара проплыла Марина. Она шла лёгкой походкой, поправляла причёску и даже мурлыкала что-то себе под нос. От основных симптомов не осталось и следа. Но это пока что. Её ещё лечить и лечить.

— Ушла довольная, — проследив за пациенткой взглядом, подметила Полина. — Вы молодец, Алексей Сергеевич. Я думала, что здесь таких сразу же отправляют в Саратов. Сами знаете куда.

— Ничего особенного, Полина Викторовна, — я пожал плечами. — Нашёл правильные слова. Никакой магии, чистая психотерапия.

Я внимательно посмотрел на свою новую помощницу. Обычный стажёр на её месте уже засыпал бы меня вопросами. Она ведь наверняка подслушивала. Уже поняла, что пациентка была раздета. И слышала, как отреагировал на это Капитанов.

Но Полина молчала. В её взгляде читалось спокойное понимание, будто она сама не раз вытаскивала людей из таких передряг.

Занятная девушка. Слишком уж хорошо она разбирается в том, как устроены чужие мозги. Но копаться в ней сейчас — себе дороже. У меня на повестке дня вопрос выживания в клинике.

— Ладно, Полина, на сегодня всё, — я кивнул ей на выход. — Идите домой, отдыхайте. Завтра будет тяжёлый день, судя по количеству записей в вашем журнале.

— Доброй ночи, доктор Астахов, — она чуть склонила голову, развернулась и пошла к гардеробу. Походка у неё почти что военная. Не виляет, как некоторые наши медсёстры.

Я проводил её взглядом, дождался, пока за ней закроется дверь гардероба, и тяжёло вздохнул.

Передышка окончена.

Поправив халат, я зашагал в конец коридора. Табличка «Заведующий отделением С. А. Капитанов» тускло блестела в свете мигающей люминесцентной лампы, которая вот-вот перегорит.

Я коротко постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь. Пора было узнать, какую дрянь подложил мне настоящий Астахов.

Степан Аркадьевич сидел за столом и вертел настольную лампу. Такое впечатление, что он мне сейчас её в лицо направит, как на допросе.

— Присаживайтесь, Алексей Сергеевич, — процедил он, не поднимая глаз. — В ногах правды нет. Хотя в вашем случае её, похоже, нет нигде.

Я сел, закинул ногу на ногу, стараясь выглядеть максимально расслабленно. Он должен понимать, что меня не задеть. В противном случае заведующий будет наслаждаться каждой секундой своего «допроса».

— Почитал я тут сводки из вашей прошлой клиники, — начал он наконец. — Интересные вещи пишут. Говорят, вы там организовали свою собственную бухгалтерию. Речь об учёте психотропных препаратов. Пропали сотни ампул, Астахов. Следствие пока топчется на месте, доказательств прямых нет. Но... — он постучал ручкой по столу. — Тучи-то над вами сгущаются! Как вы это прокомментируете?

Я позволил себе лёгкую, чуть усталую улыбку. Нужно срочно спасти свою шкуру. Но выход есть. Он есть всегда!

— Степан Аркадьевич, вы ведь взрослый человек, — бросил ему я. — Прекрасно знаете, как это бывает. Молодого и перспективного специалиста подставляет старая гвардия. Им нужно списать недостачу на аптечном складе. А меня просто сделали крайним. Оклеветали так виртуозно, что пришлось уволиться, чтобы не тратить жизнь на суды.

— Подставили, говорите? — Капитанов прищурился. — Как интересно... Так любой преступник может сказать. Подставили! Ха! Прямо-таки сама невинность!

— Именно так, — кивнул я. — Сами посудите. Если бы я действительно был виновен, то сейчас бы не в Тиховолжске карточки заполнял, а загорал где-нибудь в Таиланде.

От собственной шутки внутри что-то дёрнулось. Настоящий-то Астахов именно там сейчас и греется на мои деньги.

— Допустим, — заведующий откинулся на спинку кресла, его взгляд стал ещё суровее. — Но есть ещё кое-что. Сегодня в регистратуру звонили. Дважды. Искали именно вас. Голос у человека был, прямо скажем, не очень вежливый. Спрашивали, когда у «нашего общего знакомого» зарплата и помнит ли он о старых долгах. Попахивает проблемами, Алексей Сергеевич. Причём не судебными приставами, а кем-то посерьёзнее.

Зараза... Настоящий владелец моего имени оставил мне слишком уж много сюрпризов. Успел не только лекарствами поторговать, но ещё и влез в чей-то карман. Причём, судя по всему, без расписок и юридических формальностей.

В противном случае меня искала бы прокуратура или приставы. Ладно, разберёмся. Сейчас важнее всего сделать так, чтобы Капитанов от меня отвязался.

— Ой, опять они! — я изобразил на лице высшую степень возмущения. — Степан Аркадьевич, вы серьёзно? Вам никогда не звонили «сотрудники банка»? Телефонные мошенники сейчас работают по базам данных врачей. Видимо, моя анкета из прошлой клиники утекла в

сеть вместе с теми самыми «пропавшими» ампулами. Неужели вы верите всяким анонимам, которые пытаются развести честного доктора на деньги?

Капитанов долго сверлил меня взглядом. Его багровый фон начал понемногу разбавляться скептически-серым. Он явно не верил ни единому моему слову, но и предъявить мне прямо сейчас было нечего.

— Вертеться вы мастер, Астахов. Блефуете на пять с плюсом. Но учтите, я — не ваш пациент, на меня эти методики не действуют. Я буду за вами следить. За каждым рецептом, каждым шагом, каждым чихом. Одна осечка — и полетите отсюда быстрее, чем успеете глазом моргнуть.

— Ваша бдительность — залог моего душевного спокойствия, — я улыбнулся и приготовился покинуть кабинет Капитанова. — Могу идти?

— Да, идите. Сделайте нам обоим одолжение, — скривился заведующий.

Настроение у него осталось паршивым. Капитанов напоследок набросал угроз, но он понимал, что в нашей словесной дуэли победить ему не удалось.

Я вышел сухим из воды. Пока что.

Рабочий день подошёл к концу. Я покинул поликлинику, когда солнце уже начало заходить.

Вечерний воздух Тиховолжска быстро освежил мои мысли. Именно сюда мне порекомендовал переехать знакомый моего предшественника — Цезарь. Преступник сам был из этих краёв. Водиться с этим человеком мне не хотелось, но когда я вышел из саратовской тюрьмы, мне нужен был хоть кто-то, с кем я смогу завести знакомство.

С городом мне на самом деле крупно повезло. Те, кто помогал мне получать новые документы, настойчиво порекомендовали скрыться именно здесь. Тут бывшие коллеги моего предшественника искать меня не станут. Обо мне в этих краях знает только один человек. Цезарь. Но и он, как я понял, теперь скрывается от «старых друзей». Пока что я в безопасности.

Пусть я и не сам выбрал этот город, но атмосфера мне здесь очень нравилась. Население небольшое — около восьмидесяти тысяч человек. Никаких пробок и угнетающих толп людей.

Тиховолжск устроился в низине между крутыми лесистыми горами и широкой Волгой. Воздух отличный! Вид живописный! Я бы не отказался прожить здесь всю свою новую жизнь. Лишь бы не докучало всё, что связано с прошлым сразу двух людей.

Бывшего владельца моего тела и настоящего Астахова. Оба, как теперь выяснилось, были преступниками. Один криминальным авторитетом, а второй — медицинским махинатором.

Я зашагал к ближайшему супермаркету. На ходу прикинул, какой у меня бюджет. В кармане сиротливо шуршали остатки аванса — единственное, что мне успели выдать в поликлинике. Первая полноценная зарплата маячила только в следующем месяце.

Сегодняшний ужин явно не предвещает пиршества.

В местной бухгалтерии меня оформили на ставку врача-психиатра, и точка! Мало кто из пациентов, да и из руководства, понимал, что я на самом деле тащу на себе две огромные глыбы. Психиатр — это про таблетки, тяжёлую артиллерию и химическое исправление мозгов, когда человек уже не понимает, где реальность, а где его галлюцинации.

Психотерапевт же работает не только таблетками, но и словом. Работает не со свихнувшимися людьми, а с теми, кто запутался. Кто нуждается в помощи, чтобы избавиться от «тараканов» в голове.

В нормальных клиниках это совершенно разные ставки, а здесь я — универсальный специалист. И таблетку выпишу, и психа прикажу связать, и выслушаю человека так, что у него тёща из головы испарится. Только вот платят мне пока что как за одну штатную единицу.

Зайдя в магазин, я взял корзину и замер у прилавка с крупами. Нужно было брать что-то сытное. Да так, чтобы надолго хватило. Мой сосед по квартире, скорее всего, ещё даже из дома

не выходил — у него свой, весьма специфический график. Придется кормить оба желудка на одну мою скудную зарплату.

Интерфейс перед глазами привычно мигнул. Принялся оценивать эмоциональный фон очереди у кассы — сплошное серое раздражение и усталость. Но на меня их эмоции не распространяются. Проблем у меня навалом, но не унываю! Я уже привык выпутываться из любого дерьма. Ещё заживём!

И я потянулся за пачкой макарон. Самое то для сегодняшнего ужина. Макароны с тушёной. М-м-м... Обедение!

Подъезд пятиэтажки, в которой я жил, встретила меня очередной проблемой. Опять какие-то засранцы лампочки выкрутили. Придётся подниматься вслепую.

Атмосферка тут такая же, как и всегда. Шорох бродячих котов, снизу доносится запах сырости из подвала, сверху — аромат жареной рыбы, которую готовят соседи.

Лифта, разумеется, нет и никогда не было. Поднимаясь на пятый этаж, я развлекал себя тем, что считал ступени — ровно восемьдесят до моей двери. Отличная кардиотренировка для тела бывшего зэка, которое всё ещё требовало нагузков. Я пока ещё не успел всерьёз взяться за своё здоровье.

Предшественник не сильно загубил организм, но вот лёгкие после многолетнего курения восстанавливать придётся точно.

Моим временным обиталищем была классическая однушка с обоями в цветочек и со старой советской мебелью. Служебное жильё мне пообещали «как-нибудь потом», а пока приходилось делить эти квадратные метры с Максимом Потаповым. В определённых кругах его знали как «Мэд Макса».

Судьба у нас с ним примерно одинаковая. Он тоже, как и я, получил чужие документы. Зачем ему понадобилось кардинально менять личность — я не знал. Но Макс всегда говорил, что у него есть на это свои причины.

Как, собственно, и у меня. Ох и долгая же это история...

Макс присел за безумное вождение — парень искренне считал, что правила дорожного движения придумали трусы, а законы физики на его машину не распространяются. Правда, были у него и другие отягчающие. Если я правильно понял, он промелькнул в паре дел как «водитель на подхвате». Его задачей было привозить преступников на дело, а затем увозить их в безопасное место.

Мы познакомились в день выхода на свободу.

У Макса, в отличие от меня, с «наследством» всё было куда проще. Квартира от бабушки и чистые документы. Наш уговор был прост как дважды два. Он даёт мне крышу над головой, а я, как «дипломированный специалист», соображаю нам пропитание.

В другой ситуации я бы не стал связываться с человеком из криминальных кругов, но ещё в первый день я почувствовал, что Макс действительно нацелен реабилитироваться. Система моё предчувствие подтвердила.

Стоило мне повернуть ключ в замке, как из кухни донеслось приглушённое ворчание.

— Ну и дыра этот ваш Тиховолжск! — Макс сидел на табуретке, закинув ноги на кухонный стол, и яростно листал газету с вакансиями. — Слышь, Док, это издевательство. Я им говорю: «Ребята! Я вожу как бог, доставлю ваш груз быстрее, чем вы его упакуете». А они мне: «У вас, молодой человек, в справке из ГИБДД пробелы подозрительные». Тьфу!

Он обернулся ко мне, его глаза сверкнули. Вид у него был помятый, но парень не унывал.

— Вообще никакой работы не нашупал? — раздеваясь, поинтересовался я.

— Ни на одну нормальную должность не берут! — возмутился Макс. — Даже курьером на самокат, прикинь? Говорят, лицо у меня слишком... В общем, не подходящее! А жрать-то охота. Ты притащил чего? Или мы опять будем сидеть на диете? На воде из-под крана.

Я молча поставил на стол пакет с макаронами и банкой тушёнки. Интерфейс быстро оценил Макса. Его фон полыхал ярко-оранжевым — смесью голодного раздражения и азарта.

— О-о-о, макаронки! — Макс тут же сменил гнев на милость и схватил банку тушёнки. — Жить будем, Док. Рассказывай, как там твои психи?

Мы быстро организовали ужин. Макароны с тушёнкой в нашей ситуации напоминали настоящую «высокую» кухню. Мы сидели на скрипучих табуретках, болтали о всякой чепухе, и в эти минуты я, как ни странно, умудрялся чувствовать себя счастливым.

Макс, как всегда, не лез за словом в карман — его простоватый юмор и искренность были лучшим лекарством после рабочего дня в окружении интриг и психозов.

— Эх, Док, — прокалывая макаронину вилкой, пробурчал он. — Мне бы работу такую... Чтобы педаль в пол, ветер в ушах и чтоб на эти дурацкие правила можно было смотреть сквозь пальцы. Ну, ты понимаешь. Чтобы драйв был, а не это ваше «уважаемый водитель, предъявите документы».

Я замер с вилкой у рта. В голове будто шелкнул старый тумблер.

— Чёрт подери, Макс, а я ведь знаю для тебя идеальное место!

Я уже открыл рот, чтобы выдать гениальную идею, но тут прямо в тарелку Макса с характерным звуком плюхнулась увесистая капля. Мы оба синхронно задрали головы вверх.

На потолке, прямо над нашим столом, медленно расплывалось серое влажное пятно. В самом его центре уже сформировалась следующая капля, готовая сорваться вниз.

— Вот же сволочи! — Макс подскочил, едва не опрокинув табуретку. — Соседи сверху! Точно затапливают, гады. Ох я им сейчас устрою! Ужин мне испортили!

Я же смотрел на пятно и понимал — соседей сверху у нас нет. Мы на пятом этаже.

— Крыша, Макс, — тихо произнёс я. — Это крыша потекла.

Обычно я так мысленно говорю о пациентах, у которых всё слишком уж плохо с головой. Но на этот раз крыша потекла буквально.

В этот момент свет в кухне мигнул и с характерным треском погас. Мы оказались в полной темноте. А тишину нарушало только ритмичное «кап-кап-кап».

Прямо в наши макароны.

Глава 3

Через пару секунд протечка усилилась. Вода уже не капала. Она уверенно булькала. Этот звук перебивало только паническое сопение Макса. Я включил фонарик на телефоне. Мой сосед по квартире замер, глядя в потолок, словно ожидал, что на нас сейчас обрушится вся Волга.

— Свет, Док! Какого лешего свет-то сдох? — Макс едва не свалился с табуретки, нащупывая впотымах хоть какую-то опору.

Луч моего фонарика осветил серое пятно, которое раздувалось прямо над нашим обеденным столом.

— Всё просто, дружище, — вздохнул я. — На дворе конец марта. Днём солнце припекло сугробы на крыше, лёд превратился в кашу, а к вечеру всё это хлынуло в микротрещины. Скорее всего, вода пошла по внутренним пустотам плиты, а затем попала прямо в распределительную коробку.

— Фига се, Док! — присвистнул Макс. — А я думал, ты только в бошках людей копать умеешь.

Я подошёл к выключателю, щёлкнул им пару раз — тишина.

— Короткое замыкание, Макс. Нам ещё повезло, что провода старые и просто выбило фазу. А могло ведь полыхнуть прямо перед нами. Проводка тут — одно название. Не удивлюсь, если изоляция — ровесница этой пятиэтажки.

— И чё делать? — голос Макса дрогнул. — Мы же поплывем! У меня тут кроссовки новые в коридоре, кожаные!

— Звонить, — отрезал я. Уже начал набирать номер аварийно-диспетчерской службы. — Сами мы на крышу в темноте не полезем, только шеи свернём.

Да и вряд ли мы как-то сможем исправить ситуацию.

Трубку сняли только после десятого гудка. На другом конце послышался женский голос. Раздражённый и уставший. Через телефон система определять эмоциональный фон не умеет, но я и без неё уже всё понял.

Моему звонку ой как не рады!

— Диспетчерская, слушаю, — проскрипели в трубке.

— Здравствуйте. Улица Лесная, дом двенадцать. Пятый этаж, заливает через перекрытия, произошло замыкание, квартира обесточена. Присылайте дежурную бригаду, — чётко озвучил проблему я.

— Мужчина, вы на часы давно смотрели? — возмущённо протянула она. — Одиннадцатый час! Электрик уже дома спит, кровельщики тем более. Ждите утра, звоните в домоуправление и составляйте заявку в общем порядке.

— Какого утра?! — я чуть дара речи не лишился. Глубоко внутри меня вспыхнула незнакомая мне холодная ярость. Но я быстро её подавил. Странно... Такое происходит со мной впервые.

/Зафиксирован аномальный психический фон/

/Регистрируется смесь двух разных эмоциональных потоков/

Ага... Всё ясно. Это не мои эмоции. Видимо, какие-то остатки от прошлого владельца этого тела. Любопытно. Мне ещё никогда не приходилось сталкиваться с таким эффектом.

Такая ярость свойственна предшественнику, но уж точно не мне. Благо в этот раз я смог её подавить.

— У нас вода в щиток хлещет, — спокойно, но настойчиво продолжил объяснять я. — Сейчас весь подъезд без света останется, если пожар не начнется. Вы понимаете, что откладывать это дело нельзя?

— Не орите на меня! — рявкнула дама.

— Да я с вами чуть ли не шёпотом разговариваю.

— Нет, орёте! — продолжала возмущаться диспетчер. — Сказано вам — ночью никто не придет. У нас одна машина на весь район, и она на аварии. Тазики подставьте и спите спокойно. Утром мастер придёт, акт составит.

В трубке раздались короткие гудки. Я посмотрел на экран телефона, потом на Макса, который в свете фонарика выглядел совершенно потерянным.

— «Спите спокойно», — повторил я и тут же почувствовал, как на лоб упала очередная ледяная капля. — Ну что, Макс, кажется, наш ужин превращается в операцию по спасению имущества. Доставай вёдра.

— А ты что будешь делать? — растерялся он.

— А я продолжу начатое, — решительно произнёс я и вновь набрал диспетчера.

Я снова нажал на вызов. Макс в это время с грохотом вытаскивал из-под раковины старое ведро, подсвечивая себе вторым телефоном, который мог сесть в любую минуту.

Да уж, та ещё картина!

— Опять вы?! — взвизгнула диспетчер, едва я успел поднести телефон к уху. — Мужчина, я сейчас полицию вызову за телефонное хулиганство! Я же сказала — аварийка на выезде!

Внутри меня снова шевельнулась та самая тёмная ярость — наследие прошлого владельца тела. Эмоции требовали рявкнуть так, чтобы у дамочки заложило уши. А заодно напомнить ей про статью о халатности и пообещать «тёплую» встречу утром. Но я аккуратно задвинул эту ярость в дальний угол сознания.

Спокойно. Это не мои мысли. Тем более психотерапевт из будущего знает способ лучше пустых угроз.

— Послушайте, — я понизил голос. Звучал он почти что как интимный полушёпот. — Как вас зовут? Только не говорите, что-нибудь вроде «диспетчера номер пять». У вас наверняка должно быть имя.

На том конце провода возникла короткая пауза. Женщина явно была ошарашена.

— Ну... Светлана Ивановна, — буркнула она уже не так воинственно.

— Светлана Ивановна, уважаемая, — я театрально вздохнул. — Я ведь прекрасно понимаю, что отрываю вас от дел. Вы же там одна на весь район. Все звонят, все орут, у всех трубы лопаются... А вы ведь тоже человек. Женщина, в конце концов. Вам бы сейчас чай пить с бергамотом, а не слушать мои жалобы на мокрый потолок.

— Вот именно! — в голосе Светланы Ивановны прорезались плаксивые нотки. — Смена двенадцать часов, присесть некогда, а тут вы со своими тазами...

— И я про то же! — подхватил я, кивая Макс, который застыл с ведром в руках, вытаращив на меня глаза. — Я ведь сам врачом работаю. Понимаю, что такое дежурство, когда все от тебя каждую секунду чего-то хотят. Но поймите и меня! У меня тут в соседней комнате — медицинский прибор. Дорогой, зараза, казённый! Если на него капнет — меня под суд, а клинику оштрафуют. Помогите почти что коллеге, Светлана Ивановна. Не дайте медицине Тиховолжска погибнуть в луже какой-то там талой воды.

— Врач, говорите? — голос диспетчера моментально потеплел. К медикам в провинции всё ещё относились с суеверным почтением. — А какой специальности?

— Психиатр, — честно ответил я. — Так что я ваш главный союзник. Если кто из жильцов совсем с ума сойдёт от протечек — сразу ко мне, без очереди приму.

Светлана Ивановна коротко хихикнула. Лёд тронулся. Прямо как на нашей чёртовой крыше.

— Ой, доктор... Ну вы и заговорили меня! Ладно, есть у меня одна мысль. Электрик Петрович живёт в соседнем от вас доме, он сегодня не на смене, но за пару сотен... Ну, вы

понимаете... Может зайти, щиток глянуть. Если ещё трезвый. А по крыше — сейчас позвоню ребятам из теплосети, они мимо вашего адреса как раз возвращаться будут, попрошу, чтоб хоть брезентом дыру над вами прикрыли.

— Светлана Ивановна, вы — святая женщина, — подводя наш диалог к кульминации, заключил я. — С меня шоколадка. Или рецепт на что-нибудь успокаивающее, если нервишки совсем сдадут.

— Ой, идите уже, доктор, — кокетливо отозвалась она. — Ждите, сейчас Петрович придёт. Я сама ему позвоню. Он ворчливый, но мастер хороший.

Я положил трубку. Макс, всё это время стоявший с открытым ртом, медленно опустил ведро на пол.

— Док... Ты сейчас что, реально «ЖЭК» соблазнил? — прошептал он с благоговейным ужасом. — Я думал, ты ей сейчас угрожать будешь типа... А ты её чаем с бергамотом закидал?!

— Вот примерно этим я и занимаюсь на работе, Макс, — я устало улыбнулся, затем подхватил полотенце с кухонного стола и вытер лоб от очередной капли. — Иди в подъезд, встречай Петровича. Я пока ему наличку поищу. Вряд ли он принимает переводом или по карте.

Макс вернулся через двадцать минут. Вёл за собой Петровича чуть ли не за руку. Вид у электрика был такой, будто его только что кирпичом по голове приложили. Другими словами, Петрович был, что называется, «вдрабадан». Он не шёл, а скорее, маневрировал по коридору, стараясь не задевать косяки.

Я быстро активировал системную диагностику.

/Объект: Петрович/

/Эмоциональный фон: жёлто-розовый. Алкогольная эйфория/

Я тут же обратил внимание на его руки. На удивление сухие и цепкие, несмотря на общую расхлябанность электрика. К работе готов, но риск был велик. Не хватало ещё, чтобы пьяный электрик самоликвидировался, пытаюсь решить нашу проблему!

— Так, стоять, — я преградил ему путь к щитку. — Петрович, ты как? Своих от чужих отличаешь?

— Слышь, доктор... — Петрович звучно икнул, попытался сфокусировать на мне зрение.

Видать, Светлана уже растрепала ему, что я — психиатр.

— Ты это... лечи своих Наполеонов, — продолжил он. — А провода — это моя стихия. Я с ними на «ты» был, ещё когда ты под стол пешком... Ну ты понял.

— Он точно не закоротит сам себя? — шёпотом спросил Макс, испуганно прижимаясь к стене. — У него же искры из глаз полетят! А что со щитком будет?

— Спокойно, Макс, — уверенно сказал я. — У таких людей мышечная память сильнее здравого смысла, — я ещё раз окинул электрика взглядом. — Петрович, я тебе посвечу. Но если полезешь голыми руками — лично реанимировать не буду. Сразу в морг отправлю. Понял?

— Обижаешь, профессор, — буркнул мастер и выхватил у Макса телефон со включённым фонариком. — Ща всё в лучшем виде... перемкнём, подоткнём... Делов-то!

Картина, конечно, абсурдная. Но я уже осмотрел электрика и своими глазами, и системой. Уверен на все сто процентов, что в работе он ошибку не допустит.

Он подошёл к распределительной коробке. Его пальцы, до этого дрожавшие, вдруг обрели поразительную точность. Он что-то подрезал, затем скрутил, потом схватился за синюю изоленту. Признаться, я даже не успевал следить за его движениями. Высший пилотаж!

Минута — и на кухне вспыхнул свет.

— Опа! Да будет свет, сказал монтёр! — Петрович довольно потёр ладони. — С вас, это... За срочность причитается. И за вредность производства.

Я достал из кармана ещё одну часть своего аванса. Глядя на эти купюры, почти физически чувствовал, как мой бюджет на макароны стремительно сокращается. Но деваться некуда.

— Держи, Петрович. Заслужил. Только до дома дойди без приключений, ладно? А то Светлана Ивановна расстроится, — попросил я. — Может, мы тебя проводим?

— Я в такое время только с дамами гуляю. Так что — брысь! — фыркнул он. — Дойду, куда я денусь... Земля-то круглая, сам не дойду — так она меня докатит, — он спрятал деньги в карман куртки и бросил напоследок: — Бывайте, психиатры. Надеюсь, больше не увидимся!

Когда за ним закрылась дверь, Макс облегчённо выдохнул и вытер пот со лба. На всякий случай я всё же проследил с балкона за «путешествием» электрика.

Благо он успешно добрался до соседнего здания и исчез за дверями подъезда. В этот же момент над нами раздался глухой топот и шум волочащегося брезента — бригада из теплосети всё-таки забралась на нашу крышу.

Несколько минут работы — и потоп был остановлен.

— Ну и вечерок, — Макс плюхнулся на табуретку, аппетита у него уже явно не было. — Слушай, Док... Ты там что-то про идеальную работу для меня говорил? Сейчас — самое время. Даже если твоя идея мне не понравится — я не откажусь. С этой квартиры явно съезжать надо. А деньги нужны.

Я сел напротив него, придвинул к себе тарелку с остывшими макаронами и посмотрел в глаза Максу.

— О, даже не сомневайся. Идея тебе определённо понравится! — улыбнулся я.

***

Следующее утро выдалось бодрым. Мы вышли пораньше, когда Тиховолжск ещё только начинал просыпаться. Но мартовский холод живо нас разбудил.

— Водитель скорой? А что, звучит солидно! — Макс шагал рядом, засунув руки в карманы куртки. Его «оранжевый» фон азарта сменился на ярко-жёлтый — парень явно примерял на себя новую роль. — Это ж, считай, официально разрешённый беспредел. Мигалки, сирена, все дела... Док, ты гений!

Я покосился на него, напряжённо поправил свою сумку. Мы уже подходили ко двору районной больницы. Но моего товарища ещё нужно подготовить к предстоящему собеседованию.

— Ты погоди радоваться, Макс. Это тебе не просто так по городу гонять. Ты понимаешь, что я за тебя поручиться хочу? Если ты накосячишь или, не дай бог, зацепишь кого-нибудь на повороте — прилетит обоим. У меня и своих проблем хватает. Я тебе по доброте душевной помочь хочу. Ах да! Ты ещё учти, что от тебя жизни людей будут зависеть. Ты ведь это осознаёшь?

— Да брось ты, Док, — Макс посерьёзnel. — Я за всю свою... ну, не самую светлую карьеру, ни в одну аварию не попал. Ни разу. Даже когда за мной три экипажа с мигалками висели. У меня чуйка на габариты машины и на саму дорогу получше, чем у любого из местных водителей. Ты уж поверь мне.

— Знаю, — я видел его насквозь с самого первого дня, когда мы только познакомились. Макс не хвастался. Он говорит чистую правду. — Если бы не был уверен в твоих навыках, ни за что в жизни не предложил бы тебе такую работу. Но предупредить тебя всё равно обязан.

— Ты насчёт жизни людей? Да я их как хрустальную вазу доведу. Только быстро. Очень быстро, — уверенно произнёс он. — Ты же знаешь. Я ведь правда хочу жить по-честному. От своего прошлого уже отказался.

Что ж, ладно.

Доля правды в его словах была. Скорая в наших реалиях — это действительно идеальный вариант для такого, как он. Нужно знать город как свои пять пальцев, уметь пролезть там, где

неопытный водитель гарантированно застрянет. И самое главное, в экстренных случаях его скорость может и вправду спасти десятки, если не сотни жизней.

Отличный способ реабилитироваться после всего, что он уже в своей жизни натворил.

— Смотри мне, Макс. Ответственность тут бешеная. Фельдшеры — народ нервный, врачи ещё хуже. Будешь возить их аккуратно, но в темпе, — предупредил я.

— Если меня, конечно, примут, — нахмурился он.

Мы свернули за главный корпус больницы и направились вглубь двора. У забора виднелось отдельное одноэтажное здание из красного кирпича — корпус «СМП».

Станция скорой медицинской помощи. У входа, громко покашливая, курили двое мужчин в синей униформе. Лениво обсуждали цены на бензин.

Рядом под навесом стояли две «газели». Старые. Настоящий техосмотр сто лет не проходили. Их до сих пор не списали только потому, что на бумаге в больнице всё было идеально. Но эта картина здорово отличается от реальной жизни.

— Нам сюда, — я кивнул на тяжёлую железную дверь. — Сейчас пойдём к заведующему. Если повезёт — сегодня же оформим тебе стажировку.

Я толкнул дверь. И впустил Макса в новый для него мир. Работа в скорой обладает особой романтикой. Надеюсь, он здесь приживётся.

Теперь мне предстоит лично переговорить с заведующим. Тот ещё геморрой. Но я считал необходимым вернуть Максу должок. Всё-таки жильё он мне предоставляет уже второй месяц, а денег я приношу пока что очень мало.

Думаю, к концу этого дня мы будем квиты.

Я велел Максу сесть на скамью, а сам направился напрямиком к кабинету с табличкой «Заведующий СМП М. М. Михайловский».

Михаил Михайлович Михайловский...

В голове невольно промелькнула мысль о том, каково это — жить с таким «комбо» из имени, отчества и фамилии. Наверное, это накладывает определённый отпечаток на характер. Стоит это учесть. Ведь я с заведующим скорой знаком не очень близко. Пересекались всего пару раз, когда он лично передавал мне местных психов.

Я обернулся к Макс. Тот сидел на скамье и пытался походить на добропорядочного гражданина. Пока что получалось так себе.

— Сиди тихо и не отвечивай, — вполголоса скомандовал я. — В разговор не влезай, пока я не кивну. Понял?

Макс молча кивнул, изобразив пальцами, как застёгивает рот на замок.

Я глубоко вздохнул, надел халат и постучал в дверь. Пора было закрывать первые долги. Как только заведующий отозвался, я вошёл внутрь.

В его кабинете пахло тем, чем всегда пахнет любая скорая.

Кофе.

За массивным столом, заваленным грудями бумаг, сидел мужчина средних лет с лицом человека, который не спал ещё с прошлой весны.

Михаил Михайлович поднял на меня тяжёлый, немигающий взгляд. Мой нейроинтерфейс тут же выдал информацию.

/Серо-фиолетовый фон. Тяжёлая усталость. Беспричинное раздражение/

— И чего вам, доктор? — прохрипел он. Даже не пытался изобразить вежливость. — Психов своих потеряли? Так вы не туда зашли. У нас тут — передовая. Нет... Только не говорите, что вам нужно отправить кого-то в Саратов! Машин нет — сразу говорю!

Это он, похоже, говорит про саратовскую психиатрическую больницу. В Тиховолжске своей «психушки» нет, поэтому больных приходится отправлять туда. И, естественно, для этого требуется машина скорой.

— Доброе утро, Михаил Михайлович, — поприветствовал его я. — Не беспокойтесь вы так. Я к вам по другому делу. Говорят, у вас с водителями сейчас... дефицит?

Заведующий горько усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

— Дефицит? — он обвёл рукой свой кабинет. — У меня не дефицит, у меня катастрофа! Один запил, второй уволился, потому что на этой рухляди работать — каждый день со смертью играть. А новых дураков нет. Так что если вы пришли пожаловаться, что машина долго ехала — вставайте в очередь за участковыми терапевтами. Хотя нет. За ними ещё Капитанов идёт. Третьим будете. А может, и десятым.

— Напротив. Я здесь не за этим, — позволил себе улыбнуться. — Новых дураков нет, говорите? Я привёл вам того самого «дурака». Только он не дурак, а водитель от бога. И машинам вашим он будет только рад.

Михайловский прищурился.

Эмоциональный фон сменился. Подозрение!

— Знакомый, значит? — он горько поморщился. — Доктор, вы вроде человек неглупый, а предлагаете мне хомут на шею! Знаем мы этих «знакомых». Сначала вы за него ручаетесь, а через неделю он либо запьёт, либо машину в кювет положит, а мне потом перед главным врачом выгораживать и вас, и его. Нет уж! Мне нужны работающие люди, а не чьи-то знакомые.

Меня его реакция не удивила. Предсказуемо!

Я уже выстроил схему, как его убедить. Думаю, это будет проще, чем уламывать диспетчера по телефону.

Ведь я мог следить за его эмоциональным фоном.

Понизил голос и заговорил в том самом ритме, который заставляет собеседника подстраиваться под мой голос. Раньше у меня был навык системы, который автоматизировал этот процесс.

Но пока что придётся действовать «вручную». Думаю, опыт я свой не растерял.

— Михаил Михайлович, посмотрите на меня. Я похож на человека, который рискнёт своей репутацией ради кумовства? — спросил я. — В этой больнице у меня и так проблем хватает. Мне не нужно, чтобы вы пристроили моего знакомого. Я хочу помочь нашей больнице.

И это отчасти правда. Наладить работу скорой нам точно не помешает.

Заведующий молчал. Внимательно слушал меня. А потому я продолжил:

— Этот парень чувствует машину. Ваши «газели» для него — не рухлядь, а вызов. Дайте ему один шанс. Если к концу смены он не приведёт машину в целости... или хоть на минуту опоздает на вызов — вышвыривайте его без разговоров. Я лично подпишу характеристику.

Михайловский сверлил меня взглядом. Но мои спокойствие и уверенность медленно проламывали его оборону. Подозрения заведующего начали таять.

— Ладно, — сдался он. — Зовите своего «Шумахера». Посмотрю хоть на его физиономию. Но учтите, Астахов, если он...

Договорить Михал Михалыч не успел. В моём кармане завибрировал телефон. Я бросил взгляд на экран.

Моя новая медсестра. Полина.

Надеюсь, она звонит не без причины.

— Прошу прощения, — бросил я заведующему и сразу же ответил на звонок.

— Алексей Сергеевич, вам срочно нужно прибыть в свой кабинет! — голос Полины был напряжённым, но самообладания она не теряла. — У нас «ЧП».

На заднем плане были слышны чьи-то причитания. Видимо, голос пациента.

Я не стал спрашивать подробности. Ответил, что буду через минуту и приготовился бежать.

— Михаил Михайлович, кандидат в коридоре, — уточнил я. — Проведите собеседование без меня, труба зовёт. Я уже всё сказал — надеюсь, вы меня поняли.

Выскочил из кабинета, бросил Максу на ходу:

— Иди, твой выход! Не подведи!

А затем на полной скорости рванул в сторону поликлинического корпуса. Пропуская по несколько ступеней, поднялся на третий этаж — в свой кабинет.

Как только я распахнул дверь, пришлось невольно напрячься, чтобы моя челюсть не отпала.

Нет, я, конечно, многое за свою жизнь повидал... Но ТАК мой рабочий день ещё никогда не начинался!

Глава 4

Я стоял в дверях, пытаюсь осознать масштаб трагедии. В моём представлении «ЧП» — это как минимум пожар, внезапный визит проверяющих или буйный пациент. Но реальность, как обычно, оказалась куда интереснее.

Прямо посреди кабинета, на затоптанном линолеуме, стоял на коленях молодой парень в измятом белом халате. Он вцепился обеими руками в свои кудрявые волосы и мерно раскачивался вперёд-назад, как маятник в старых часах.

— Я так больше не могу... — доносилось до меня его сдавленное бормотание. — Не могу, не могу, не могу... Звоните доктору ещё раз! Пусть отправит меня в дурку! Положите в стационар, запирайте, ключи выкиньте! Я на всё согласен, только не обратно...

Полина стояла у окна, сложив руки на груди. Её «зеленый» фон был всё так же безупречно чист — ни капли паники, только лёгкое, почти научное любопытство. Увидев меня, она едва заметно кивнула. Это выглядело как сигнал. Пора браться за работу!

Я узнал страдальца. Андрей Александрович Жаров. Наш участковый терапевт, на чьи плечи свалилось самое тяжкое проклятие этой больницы — обслуживание сёл Тиховолжского района. Молодой специалист, романтик, который, видимо, столкнулся с суровой реальностью сельской медицины.

М-да, недолго же он продержался.

— Андрей Александрович? — я осторожно сделал шаг внутрь и прикрыл за собой дверь. — Вы, кажется, кабинет перепутали. Приём терапевта этажом ниже, а здесь всё-таки психиатрия.

Жаров резко вскинул голову. Его глаза были красными, а в кудрях запуталась какая-то соломинка. Видимо, с последнего выезда в село осталась. Увидев меня, он не поднялся, а буквально пополз в мою сторону, не отрывая колен от пола.

— Алексей Сергеевич! Умоляю вас! — взмолился он и схватил меня за край халата. — Выпишите мне направление! Прямо сейчас! У меня галлюцинации, у меня депрессия, у меня... у меня мания преследования! Да, точно! Я везде вижу бабулек, которые хотят, чтобы я померил им давление. Трижды на каждой руке! Я больше не могу ехать в Сосновку на телеге, потому что «скорая» опять сломалась! Я не могу слушать споры о том, как подорожник может вылечить открытый перелом! Отправьте меня в стационар, я буду идеальным пациентом, клянусь!

Я посмотрел на Полину, потом на вцепившегося в меня коллегу. Ситуация была настолько комичной, насколько и трагичной. Либо он надо мной издевается, либо бедолагу просто «перемкнуло» от нагрузок.

— Так, Андрей Александрович, — я аккуратно высвободил халат из его цепких пальцев. Не хватало ещё, чтобы заведующий сюда вошёл, как в тот раз — с обнажённой пациенткой. — Давайте для начала поднимемся с колен. В моём кабинете поклонение разрешено только здравому смыслу. А он подсказывает, что если я вас сейчас «закрою», мне придётся отчитываться перед вашим начальством.

— Да плевать мне на начальство! — выкрикнул Жаров, но всё же поднялся. — Вчера меня заставили ехать в Заречье на попутном лесовозе! Доктор, вы же психиатр, вы должны видеть — я официально сошёл с ума! Я вчера с коровой здоровался, потому что она смотрела на меня умнее, чем сельский фельдшер!

Я вздохнул, чувствуя, что мой рабочий день обещает быть ещё веселее, чем вчерашний. А ведь сегодня только вторник...

— Так, Андрей Александрович, — я мягко, но твёрдо взял его за локоть и усадил в кресло для пациентов. — Дышите. Глубоко. Представьте, что вы не в кабинете психиатра, а...

Ну, скажем, на перекуре. Полина Викторовна, организуйте коллеге крепкого чаю. С сахаром. Глюкоза сейчас важнее транквилизаторов.

Полина молча двинулась к чайнику, а я сел напротив Жарова. Сейчас мне не нужны были системные навыки — достаточно было тридцати лет стажа из будущего и умения слушать. Я смотрел ему прямо в глаза, старался настроиться на общий ритм.

— А теперь выкладывайте, — тихо произнёс я. — Что именно стало последней каплей? Лесовоз или корова?

Жаров шмыгнул носом, его плечи поникли.

— Шесть ставок, Алексей Сергеевич... — не отрывая взгляда от пола, прошептал он. — Шесть! Я один на все деревни. Никакой подмоги! Утром — приём, днём — выезды, вечером — отчёты, ночью — дежурство в стационаре, потому что больше некому! Я три месяца здесь. А кажется, будто я триста лет в аду. Не тяну. Мозг уже плавится.

— Почему не уволитесь? — я прищурился. — В городе частных клиник полно. Знаю, как вы работаете. Быстро и качественно. С вашим рвением вас там оторвут с руками.

— Целевое... — Жаров почти застонал. — У меня контракт. Отработка три года или возврат всей суммы за обучение сразу. А где я их возьму? У меня из имущества только этот дырявый халат и диплом. Я тут застрял, понимаете? Единственный законный способ сбежать — это медицинское заключение. Ваше заключение. Психушка — мой единственный отпуск, Алексей Сергеевич!

Я вздохнул. История стара как мир. Система перемалывает молодых и горячих. Но я видел в нём себя — того, прежнего, который тоже когда-то верил, что может гнуть спину, спасать всех.

Да чего уж тут говорить! Я и сейчас так думаю. Только теперь я знаю, как правильно себя поставить, чтобы не попасть в «жернова» поликлиники.

— Слушайте меня внимательно, Андрей, — я понизил голос. — Садитесь в стационар — значит сдать. Тем более это лишь временная мера. Потом вы всё равно выйдете. Вас признают вменяемым. Заведующие вас потом с потрохами съедят. И нагрузят ещё сильнее — уж поверьте мне на слово.

Жаров поднял на меня полные отчаяния глаза.

— А что делать? Умереть на выезде в сугробе?

— Нет. Жить. И начать играть по своим правилам, — я усмехнулся. — С этим можно бороться. Закон — ваш лучший друг. У вас шесть ставок? Отлично. Пишите рапорт на имя своего заведующего о невозможности физического выполнения объёма работ согласно трудовому кодексу. Требуйте письменного приказа на каждый выезд в нерабочее время. Как только появится бумага — появится и ответственность начальства. Они нагледят, пока вы молчите.

Жаров слушал меня внимательно. Даже моргать перестал.

Я ему говорю очевидные вещи, но он этого не понимает. А чего тут удивляться? Совсем молодой ещё. Только-только университет закончил.

— Второе, — я загнул ещё один палец. — Научитесь говорить «нет» сельским фельдшерам. Вы врач, а не такси для их лени. Знаю, что они отправляют к вам всех подряд. Принимайте только экстренных, остальных — в очередь. И главное — заведите журнал учёта переработок. Прямо сейчас. Пусть заведующий видит цифры, а не ваше нытьё. Цифры пугают начальство сильнее, чем вы думаете.

Я ободряюще хлопнул его по плечу.

— Идите. Я выпишу вам рецепт на лёгкое успокоительное — просто чтобы спать начали. Но в стационар я вас не положу. Вы нам здесь живым и вменяемым нужнее. Есть свет в конце тоннеля, Андрей Александрович.

Жаров медленно поднялся. Цвет его лица изменился. Он взял протянутый Полиной стакан чая, сделал глоток и посмотрел на меня с какой-то новой, пока ещё робкой надеждой.

— Вы думаете... получится? — прошептал он.

— Уверен, — отрезал я. — А если кто-то из заведующих начнёт давить — отправляйте ко мне. Я найду, что сказать по поводу их собственного психического здоровья.

Разговор, надо сказать, прошёл отлично. Опять же, я не обязан был помогать коллеге. Как правило, тут каждый сам справляется со своими проблемами.

Но проигнорировать положение Жарова тоже не мог. Совесть не позволяла. Я за свою прошлую жизнь повидал много хороших врачей, которых просто вынудили уволиться. Съели. А ведь сколько жизней может спасти один лишь Жаров! Ему надо было дать шанс. И я рад, что сделал это.

Жаров покинул кабинет почти бесшумно. Перед тем как вернуться к своим обязанностям, он отблагодарил меня и обещал, что и сам может помочь, если вдруг мне что-то понадобится.

Я откинулся на спинку кресла, испытал глубокое удовлетворение. И этим нужно наслаждаться. Удовлетворение — чувство, которым организм награждает нас за правильные выборы. Стоит его ценить.

Спассти коллегу от выгорания иногда важнее, чем выписать сотню рецептов. Это была чистая победа. Остаётся надеяться, что Жарову хватит духа воспользоваться моими советами.

Полина молча забрала пустой стакан, ополоснула его в раковине и аккуратно поставила на полку. Её движения, как и всегда, были чётко выверенными. Мне уже начинает казаться, что передо мной робот, а не медсестра!

До первого пациента оставался целый час — редкая роскошь в нашем расписании. Самое время прощупать почву.

— Полина Викторовна, — я надел очки и внимательно всмотрелся в её эмоциональный фон. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. — Присаживайтесь. Нам нужно кое-что прояснить, пока коридор не заполнился больными.

Она села на край стула, сложила руки на коленях. Ни тени любопытства, ни тени тревоги. Просто внимание.

— То, что вы сейчас видели, — я кивнул на дверь, — должно остаться в этих стенах. Репутация врача в маленьком городе — вещь хрупкая. Если по больнице поползут слухи, что Жаров рыдал на коленях в кабинете психиатра, его карьере конец. Его просто съедят. Вы меня понимаете?

— Разумеется, Алексей Сергеевич, — голос её был ровным. — Врачебная тайна. Статья тринадцатая основ законодательства об охране здоровья.

— Дело ведь не только в законах, Полина, — принялся объяснять я. — В психиатрии и психотерапии всё гораздо тоньше. Здесь мы храним не только диагнозы, но и тайны чужих жизней. Если медсестра начинает обсуждать пациентов за чаем в ординаторской — она профнепригодна. Я хочу быть уверен, что за моей спиной не вырастет «сарафанное радио». Уж простите, но я привык быть прямолинейным.

Я замолчал, изучая её реакцию. Обычная девушка на её месте сейчас бы начала заверять в своей верности, лепетать оправдания или хотя бы смутилась. Полина же просто смотрела мне в глаза. Система молчала. Фон оставался безупречно спокойным. Либо ей вообще чужды эмоции, либо... Гордеева — профессионал такого уровня, который в таком захолустье обычно не встречается.

Но ведь она ещё нигде не работала, если мне память не изменяет. Откуда же мог взяться такой опыт?

— Вы можете быть спокойны, — наконец произнесла она. — Я не пью чай в ординаторской. И я прекрасно понимаю специфику вашей работы. Вчерашний случай с обнажённой пациенткой тоже не вышел за пределы этого кабинета, хотя Степан Аркадьевич очень настойчиво пытался узнать подробности, когда встретил меня в коридоре.

Я внутренне напрягся. Капитанов уже начал обрабатывать мою медсестру.

— И что же вы ему ответили?

— Сказала, что заполняла журналы и ничего не видела, — она едва заметно улыбнулась. — Ложь во благо — это ведь тоже часть нашей терапии, не так ли?

Занятная же особа эта Гордеева!

Я ощутил, как внутри проснулся азарт исследователя. Раскусить её с первого раза не получится, но первый мостик я уже возвёл.

— Полина Викторовна, — я постучал пальцами по столу, продумывая следующую реплику. — Пока у нас есть это затишье перед бурей, расскажите о себе. Вы ведь только-только из колледжа?

— В июле получила диплом, — спокойно ответила она, не отрываясь от сортировки бланков. — Медицинский колледж в областном центре. Средний балл высокий.

— Похвально. Но сейчас март, — я прищурился. — Где же вы пропадали эти восемь месяцев? Вряд ли такая... дисциплинированная девушка просто решила устроить себе затянувшиеся каникулы.

Полина на секунду замерла. Её пальцы коснулись края журнала, но эмоциональный фон даже не дрогнул.

— Были личные обстоятельства, Алексей Сергеевич, — сухо ответила она. — Семейного характера. Пришлось задержаться в городе.

«Семейного характера». Универсальный ответ на любые вопросы. Тут не подкопаешься.

Я открыл её личное дело, которое передал мне Капитанов ещё вчера вечером. Медсестра общей практики. Никаких курсов по психиатрии, ни одной специализации, дающей право работать в моём кабинете. В этой больнице действительно творится бюрократический хаос.

Человека снова провели на ставку, для которой у него нет допусков. Очередная дыра в системе, которую Капитанов заткнул первым попавшимся под руку кадром.

— Знаете, что забавно, Полина? — я откинулся на спинку кресла. — По документам вы не имеете права здесь находиться. Вы — медсестра-универсал, а не медсестра психиатра. Вас кинули сюда просто чтобы закрыть вакансию.

— Я быстро учусь, — она наконец подняла на меня взгляд. — И мне кажется, здесь буду полезнее, чем на перевязках.

— Вы правы, — я невольно улыбнулся. — Как ни странно, вы подходите для этой работы лучше, чем многие дипломированные специалисты, которых я видел. У вас есть то, чему не учат в колледжах — ледяное спокойствие. Правда, я чувствую, что вы о многом не договариваете.

— У каждого свои секреты, доктор, — парировала она с лёгким, почти незаметным вызовом. — Разве не в этом суть вашей специализации?

Огрызается. Но делает это так вежливо, что не придерёшься. Интрига вокруг моей помощницы только крепнет, но время откровений закончилось.

В коридоре послышался топот и приглушённые ругательства. Мой первый пациент уже на подходе.

Дверь кабинета не просто открылась — она едва не слетела с петель от резкого удара. В помещение ввалился молодой мужчина в спортивной куртке. Его взгляд лихорадочно метался по углам, перепрыгивая с картотеки на мой стол, пока не замер на Полине.

— Ну... Стало быть, доброе утро, — улыбнулся я. — С кем имею честь? Вы по записи? — я попытался перехватить его внимание, но незнакомец меня проигнорировал, словно я был частью офисной мебели.

Вот как, значит? Что ж, ладно. Кажется, на сцене появился ещё один «чудной» персонаж.

Мужчина замер перед Полиной, и на его лице отразилось такое горькое разочарование, будто ему вместо выигрышного лотерейного билета подсунули обычную салфетку.

— А ты ещё кто такая?! — выкрикнул он и навис над столом медсестры. — Ты что здесь делаешь, а? Где она?

Я мигом активировал навык «Диагноста», и интерфейс тут же окрасился в тревожные тона.

/Объект: Неизвестный/

/Эмоциональный фон: ярко-алый с рваными фиолетовыми краями/

/Агрессия, ревность, собственнический инстинкт/

Всё ясно. Это не пациент. В его движениях нет болезненной заторможенности. Да и причина его поведения не в бредовых идеях. Тут мы имеем дело с чистой первобытной злостью человека, который пришёл за «своим» и не обнаружил его на месте.

— Молодой человек, вы кабинетом ошиблись, — я поднялся, прикрыл собой Полину. — Здесь ведётся приём. Присядьте или покиньте помещение. Не знаю, какой из двух вариантов вам больше понравится, учитывая, что вы в кабинете психиатра.

— Да плевать мне на твой приём, лепила! — он наконец соизволил обернуться ко мне. — Где Катя? Где медсестра, которая тут работала? Мне сказали, ты её куда-то сплавил!

Полина даже не шелохнулась. Но девушка явно была мне благодарна за то, что я преградил дорогу этому верзиле.

— Екатерина переведена в другое отделение по распоряжению руководства, — ответил я, скрестив руки на груди. — И я не обязан отчитываться перед каждым встречным о графике работы персонала. Если вы её... знакомый, подождите конца смены на улице.

— Слышь, ты, интеллигент в очках! — он сделал шаг в мою сторону. — Я её муж, понял? Почти муж! Она трубку не берёт, дома не ночевала! Говори, куда её спрятали, или я тебе сейчас этот кабинет по кирпичу разберу!

Конфликт перешёл на новую стадию. Внутри меня снова заворочалась та самая тёмная ярость, оставшаяся от прежнего владельца тела. Мои кулаки непроизвольно сжались.

Спокойно, Астахов. Я постарался осадить сам себя. Ты врач, а не вышибала. Нельзя об этом забывать.

— Я повторяю последний раз, — мой голос стал тише. Хоть я и сдержал эмоции предшественника, но часть его злобы всё же просочилась в слова. — Выйдите за дверь. Сейчас же. Иначе ваш следующий визит в эту больницу будет уже в отделение травматологии.

Парень замер. Видимо, почувствовав, что от докторишки, над которым он только что насмеялся, внезапно повеяло чем-то очень знакомым и опасным. Но отступить ему явно не хотелось.

— Нет, так дело не пойдёт, — насупился он. — Катка ведь с тобой вечно на ночные дежурства остаётся. Откуда мне знать, что вы тут на самом деле делаете?!

Агрессор. Понимает только язык силы или страха.

Что ж... Сейчас мы это смешаем!

Я медленно поднялся из-за стола. Театрально вздохнул. Изобразил прискорбие из-за того, что мне предстоит сделать.

Парень продолжал орать, но я уже не слушал слова. Полицию вызывать слишком муторно. Сами разберёмся!

Я принялся действовать. Анализ был завершён. Теперь я точно знаю, на какие рычаги в примитивном разуме нужно нажать.

— Полина Викторовна, — произнёс я негромко, но так твёрдо, что крик незнакомца мгновенно оборвался на полуслове. — Встаньте, пожалуйста, подальше от «пациента». У него расширены зрачки и характерный тремор пальцев. Это терминальная стадия.

Я медленно, с лёгким хрустом, натянул на руки латексные перчатки. В тишине кабинета этот звук воспринимался особенно угрожающе.

— Слышь, ты чё там бормочешь? — парень попятился. Он явно был сбит с толку.

— Острая параноидная шизофрения с эротоманическим бредом, — констатировал я, доставая из шкафчика новенький пятикубовый шприц. Я демонстративно вскрыл упаковку. — Полина, готовьте галоперидол. Двойную дозу. А лучше сразу аминазин. Объект социально опасен. Кем он там себя назвал? «Почти мужем»? Видите, как у него дёргается левое веко? Это предвестник агрессивного припадка. Сейчас начнёт кидаться на людей.

Полина тут же поняла мой план.

— Будет сделано, Алексей Сергеевич, — холодно ответила она и принялась безжалостно готовить раствор. Затем мигом передала мне готовый шприц.

Я выпустил из иглы тонкую струю физраствора. Разумеется, в шприце была обычная солёная вода. Никаких препаратов. Но судя по изменению эмоционального фона, наш «пациент» уже почувствовал, что ему уготована зловещая судьба.

— Э-э, полегче, доктор! — парень вскинул руки, прикрылся от шприца. — Я не шизик! Я просто Катю ищу! Вы чё тут, вообще сдурели?!

— Типичное отрицание болезни, — я сделал шаг к нему, перехватывая шприц как боевой нож. — Полина Викторовна, вызывайте санитаров. Скажите... «код фиолетовый», — пришлось придумать на ходу. — У нас принудительная госпитализация на полгода. До выяснения причин его заикленности на Екатерине.

Полина, надо отдать ей должное, даже бровью не повела. Она спокойно потянулась к телефонной трубке, не сводя с мужчины своего невозмутимого взгляда.

— Понял-понял! Психи чёртовы! — парень рванул к двери с такой скоростью, будто за ним гналась стая бешеных собак. — Да ну вас к лешему! Забирай Катю. Она того не стоит. Ненормальный!

Дверь грохнула так, что зазвенели стёкла в шкафу. В коридоре послышался топот. Сбежал!

Я медленно выдохнул, снял перчатки и бросил шприц в лоток. Полина так же спокойно положила трубку — она даже не начала набирать номер.

— «Код фиолетовый»? — уточнила она. — В нашем регламенте такого нет.

— Зато в его воображении теперь есть, — я усмехнулся и вернулся в своё кресло. — Психотерапия — это не всегда разговоры о детстве, Полина. Иногда это просто вовремя показанная иголка. Самоизлечился парень. В рекордные сроки.

— Записать в журнал? — она придвинула к себе ведомость, и мне показалось, что в уголках её губ всё-таки мелькнула тень улыбки.

— Жаль, но он не был записан. И полис со СНИЛСом не принёс. Придётся сделать вид, что этого «пациента» у нас не было, — развёл руками я.

Удивительно, но Полина даже хихикнула. Ей наше первое общее приключение явно понравилось.

А впереди таких приключений у нас ещё очень много!

Рабочий день перевалил за экватор. Очередь в коридоре была не такой уж и большой, но с каждым пациентом приходилось возиться по полчаса.

Пожилые люди с жалобами на нервы, призывники с отсутствующим взглядом и молодые матери, обеспокоенные гиперактивностью своих детей.

Классика. Рутинка. Пока что ничего интересного.

Полина работала как отлаженный механизм, без лишних слов заполняя формы и подклеивая результаты анализов.

Я взглянул на время. Прошло уже четыре часа, а от Макса — ни звука. Странно. Для «Мэд Макса» собеседование на вождение старой «газели» не должно было стать экзаменом в космонавты. Либо Михайловский его всё-таки завернул, либо...

Либо Макс уже вовсю обкатывает служебный транспорт, забыв обо всём на свете.

В кармане коротко пискнул телефон. Я невольно дёрнулся. Решил, что это Макс всё-таки удосужился рассказать об итогах беседы с заведующим!

Но на экране высветилось уведомление от неизвестного номера.

Я открыл сообщение, и по затылку пробежали мурашки. Это был не Макс.

«Приходи за гаражи у старого завода. В семь вечера. Если не явишься — тебе даже место на кладбище не понадобится. В лесу закопаем».

Глава 5

Приехали, моя остановочка!

Это было неизбежно. Рано или поздно кто-то должен был ворваться в мою новую жизнь и высказать угрозы. И вот — свершилось. Самое время разобраться, кто именно решил похоронить меня в лесу.

А ведь вариантов куда больше, чем кажется. Их очень много!

Я медленно убрал телефон в карман и продолжил машинально подписывать очередную справку здоровому пациенту. Чисто для трудоустройства, формальность.

Но в голове закрутились шестерёнки. Я взвешивал свои шансы и перебирал список своих «доброжелателей». А список этот, честно говоря, выглядел как телефонная книга. Врагов у меня сейчас больше, чем пациентов во время весеннего обострения.

Смена паспорта и покупка личности Астахова в своё время казались гениальным ходом. У меня было на то две веские причины.

Первая — профессиональные нужды. Я хотел работать в своей стезе, лечить мозги, а с клеймом судимости и отсутствием диплома в любую клинику путь заказан. Тело зэка-авторитета — плохой фундамент для врачебной практики. Тем более я не готов потратить ещё десять лет на бессмысленное обучение в университете. Ведь и так знаю куда больше, чем любой местный доцент.

Вторая причина — мои бывшие коллеги по криминальным кругам. Те, с кем предшественник делил нары и сомнительные доходы, очень не хотели отпускать ценный кадр на вольные хлеба. Они настойчиво зазывали меня обратно в преступную среду, потому что старый владелец этого тела что-то от них утаил.

Что-то очень весомое. Какую-то записку, тайник или информацию, о которой я, как попаданец, не имел ни малейшего понятия. Для них я — старый босс, который решил поиграть в амнезию и прикарманить обшак.

Но на этом мои беды не заканчивались. Настоящий Астахов, чью фамилию я теперь ношу, тоже оказался тем ещё «подарком». Этот горе-доктор где-то крупно накосячил в своём прошлом городе. Его ищут за долги, и, судя по тону сообщений, это не вежливые ребята из банковских отделов и даже не приставы с их бумажками. Это кто-то другой. Кто-то, кто предпочитает решать финансовые споры с помощью лопаты и глубокой ямы.

А теперь самое время ответить на главный вопрос. Вопрос на миллион!

Кто из всей этой весёлой компании назначил мне свидание за гаражами? Бывшие поделельники, жаждущие вернуть своё, или кредиторы врача-неудачника, решившие, что пора вытрясать из меня проценты?

Чёрт его знает. Но в семь вечера мне придётся это выяснить. Кажется, иного выхода нет. Рисковать придётся в любом случае. Если не приду сам, то меня будут искать уже в больнице. А это сулит ещё больше проблем. Плюс я считаю, что лучше знать врага в лицо.

Чтобы бороться с врагами, мне нужна информация.

Интерфейс перед глазами мигнул, окрасил мой собственный эмоциональный фон в холодный, стальной цвет. Ярость предшественника снова шевельнулась где-то в районе груди. Тело не желало идти на встречу без оружия. Но я отбросил эти мысли, поправил очки и кивнул Полине.

— Следующего, пожалуйста. У нас мало времени. Приём придётся закончить раньше, — заключил я.

Рабочий день пролетел быстро.

Последний пациент закрыл за собой дверь, и в коридоре наконец воцарилась тишина, которую нарушало лишь шарканье швабры. Санитарки убираются, готовят поликлинику к закрытию.

Полина привычно собрала карты в стопку, кивнула мне на прощание и покинула кабинет.

Я дождался, пока затихнет стук её каблучков, и подошёл к медицинскому шкафу. Ключ привычно провернулся в скважине. Мой взгляд скользнул по рядам ампул. Жаль, что в этом веке медицина такая... громоздкая! В моём времени хватило бы одного пластыря с нейролептиком, чтобы уложить целый взвод вооружённых людей, а здесь придётся возиться с типичными шприцами.

Выбор пал на сильное седативное — один точный укол в мягкие ткани, и агрессивный оппонент будет пускать слюни ближайшие пару часов.

Я должен перестраховаться. На всякий случай. Если за гаражами меня ждёт не конструктивный диалог о долгах, а попытка выбить из меня долги предшественников силой, мне понадобится весомый аргумент.

Как раз убирал запроваженный шприц во внутренний карман пиджака, когда дверь за моей спиной тихо скрипнула.

В кабинет вошла Полина. Я замер, не стал оборачиваться. Почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Хорошо, что не Капитанов с его вечной подозрительностью!

Но Полина... это ненамного лучше. Она замерла у порога. Я заметил, что её взгляд был направлен точно на мой карман. Она видела всё. Открытый шкаф, ампулу, шприц.

— Забыли что-то, Полина Викторовна? — я обернулся. Решил изобразить рассеянность. Будто я просто проверяю сроки годности препаратов.

— Флешку, — коротко бросила она и прошла к своему столу. — В компьютере забыла. А там — личное.

Я активировал нейроинтерфейс.

/Считывание фона: затруднено. Помехи в канале/

Система снова споткнулась об её безразличие. Полина забрала флешку, но вместо того, чтобы сразу уйти, на секунду задержалась, взглянула на меня в упор. В её глазах не было осуждения или страха — только холодное, аналитическое любопытство.

— У препарата, который вы взяли, очень короткое окно действия, — негромко заметила она, поправляя халат. — И вводить его нужно внутримышечно, иначе эффект будет смазанным. Но вы ведь и сами это знаете, Алексей Сергеевич.

Я открыл было рот, чтобы выдать какую-нибудь байку про «срочный вызов на дом к буйному пациенту», но решил промолчать. Врать ей бесполезно — она всё равно не поверит ни единому моему слову.

— Решил подстраховаться, — наконец выдавил я, решив, что полуправда сейчас безопаснее. — Мало ли. Вдруг меня поджидает наш утренний «гость»? Как я понял, Катюшу он так и не нашёл.

Она кивнула. Но я понимаю — она мне не поверила. Просто решила не лезть не в своё дело. Пока что.

— Доброго вечера, доктор. Постарайтесь не использовать его без крайней необходимости. Отчётность по этому списку очень строгая, — напоследок произнесла она.

— С отчётностью я разберусь. Не беспокойтесь. И вам хорошего вечера, Полина.

Она ушла. На этот раз уж точно.

Вот и ещё одна проблема. Я их уже коллекционировать могу!

Но что-то мне подсказывает, что Полина будет молчать. Читается она плохо, но я чувствую, что человек она надёжный. После сегодняшнего приёма мы прониклись взаимным доверием. Как коллеги, разумеется. Думаю, хотя бы ради этого она не станет рассказывать об увиденном.

Я быстро зашагал к выходу, стараясь не привлекать внимания, но в фойе путь мне преградила сцена из жизни поликлинического социума. У самого поста охраны, вальяжно прислонившись к стойке, стоял рослый парень в расстёгнутой куртке скорой медицинской помощи. Он увлечённо окучивал молоденькую медсестру из регистратуры. Рассыпался в комплиментах и явно затягивал свой перерыв.

Заметив меня, он на мгновение осёкся, а потом буквально просиял и бросился наперерез.

— О, Алексей Сергеевич! Доктор Астахов, постойте! — парень, которого, судя по бейджу, звали Денис, едва не сбил меня с ног своим энтузиазмом. — Слушайте, ну вы и кадра нам подогнали! Михал Михальч до сих пор крестится, не может поверить в привалившее счастье!

Я невольно притормозил. Значит, Макс всё-таки не просто прошёл собеседование. Он уже всю работу делает!

— Что, Максим Викторович уже успел отличиться? — поинтересовался я, поглядывая на часы. До семи оставалось совсем немного.

— Отличиться? Да он за сегодня вызовов закрыл больше, чем три бригады вместе взятые! — Денис восторженно замахал руками. — Там, где мы обычно сорок минут по дворам тыкаемся, Макс успевает за десять. У него не машина, а истребитель какой-то. Не знаю, что он с ней сделал. Фельдшеры сначала бледнели, а теперь в очередь записываются, чтобы с ним в смену попасть. В общем, он там до утра завис, вызвался за двоих отпахать. Домой сегодня точно не ждите. Он уже к рулю прирос.

Интерфейс включился автоматически. Осмотрел Дениса.

/Объект: Денис/

/Эмоциональный фон: желто-зеленый. Искренняя благодарность и драйв/

— Рад за него, — коротко бросил я, пытаясь обойти Дениса. — Но мне пора. Дела.

— Постойте! — он загородил проход. — Вы же домой? Давайте подброшу! Я как раз на «буханке» в хозблок еду, мне по пути. Сэкономите время на автобусе, а то они в это время ходят кое-как.

Я на секунду задумался. Пешком до старого завода буду плестись минут двадцать, а на служебном транспорте с лихим водителем скорой — долечу за семь. Шанс успеть на «стрелку» вовремя и не запыхаться был слишком заманчивым.

— Идёт, Денис. Подбрасывай! Только не до самого дома, — я прищурился, прикидывая маршрут. — Высадишь меня у старого завода, мне там нужно одного... пациента проведать.

— Без проблем! — он весело хлопнул дверью поликлиники. — Запрыгивайте, прокачу с ветерком. У нас теперь в СМП мода такая — летать! Как Макс научил!

Как бы он их плохому не научил! За его трюками стоит мастерство, а не удача. Другим водителям лучше такого не повторять.

Но пока что всё вроде идёт гладко.

«Буханка» Дениса подпрыгивала на ухабах так, что я собственные петли кишечника чувствовать начал. В салоне пахло бензином. И кажется, я догадываюсь, откуда взялся этот запах.

Очередная тайна моих местных коллег. Водители часто сливают себе излишки казённого бензина. Но приставать к нему с вопросами я не стану. Дело явно не моё.

— Слушай, Алексей, — Денис лихо крутанул руль, чтобы объехать глубокую лужу. И так же лихо перешёл на «ты». — Раз уж мы вместе едем... Обсудить кое-что надо. У меня тут дело личное. Тётка у меня, понимаешь, совсем с катушек съехала. Копит дома пустые банки, с телевизором спорит, соседей в шпионаже подозревает. Ты бы глянул её, а? Мы её к тебе завтра притащим, ты только скажи когда.

Я ухватился за поручень, чтобы не влететь головой в потолок на очередной кочке.

— Денис, попритормози с энтузиазмом, — я покачал головой. — По закону мне нужно согласие самой пациентки. Насильно ко мне можно притащить только при явной угрозе жизни

окружающим. Или если она сама себе угрожать будет. А споры с телевизором под это правило не подпадают. Убеждай её, уговаривай, но добровольно. Понял?

— Да какое там добровольно! — Денис досадливо вздохнул. — Она ж считает, что это мы все психи, а она — последний оплот здравого смысла в Тиховолжске. Ладно, попробую заболтать. Шоколадкой там или обещанием, что я её к знающему врачу приведу. И это ведь не ложь. Ты тут хоть и недолго работаешь, но слухи о тебе ходят хорошие. Тот же Жаров сегодня на вызове о тебе очень лестно отзывался.

Видимо, Жаров решил вернуть должок. Хотя я даже не думал требовать от него ответную услугу.

Мы выехали к промзоне. В городе я пока что ориентировался плохо. Впервые увидел этот самый «старый завод». Ржавые ангары, битое стекло и бесконечные ряды бетонных гаражей. Заброшка, другими словами.

Идеальное место, чтобы бесследно исчезнуть.

— Ну, приехали, доктор, — Денис ударил по тормозам. — Твой завод. Точно помощь не нужна? А то я могу подождать, если пациент буйный попался.

— Спасибо, Денис, справлюсь, — я коротко кивнул ему и выбрался из машины. — У тебя своя работа, у меня — своя. Езжай, а то Михайловский за лишний километраж голову оторвёт.

— Это уж точно! Ну, бывай! Если что — маякуй, я тут в десяти минутах на подстанции буду.

«Буханка» развернулась и быстро скрылась за поворотом. Я остался один. Тишина здесь откровенно напрягала.

Я снял очки. Больше они мне не нужны. В темноте блеск моих глаз при использовании системы вряд ли заметят. Проверил шприц во внутреннем кармане и зашагал вглубь гаражного массива. Семь вечера. Пора знакомиться с авторами угрожающего сообщения.

За углом крайнего гаража, у зелёной «семёрки», меня уже ждали. Двое. Типажи классические. Такие встречались и в моём времени. Кожанки, короткие стрижки, пустые глаза людей, которые предпочитали использовать кулаки, а не цивилизованную речь.

— О, гляди-ка, приполз доктор, — один из них, скуластый тип с зажжённой сигаретой, надсадно кашлянул и сплюнул себе под ноги. — Мы уж думали — не придёшь. Поздновато ты, Астахов. Часики-то тикают, а ты всё не хочешь платить по счетам.

Я остановился в трёх метрах. Старался глаз с них не сводить.

/Объекты: неизвестные/

/Эмоциональный фон: рваный алый. Адреналин, агрессия, уверенность в превосходстве/

— Работа не ждёт, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы звали, я пришёл. Что за срочность?

Второй, покрупнее, подошёл ближе. Принялся бесцеремонно рассматривать меня. В руках он вертел потрёпанную фотографию.

— Слышь, Димон, — он ткнул напарника локтем. — Чёт он на фотку не особо тянет. Нос вроде тот, а рожа... интеллигентная чересчур. Может, не тот хмырь?

Интеллигентная? Ох, до чего же это всё-таки иронично! Лицо бывшего зэка показалось им интеллигентнее, чем лицо врача — настоящего Астахова.

По крайней мере, уже из этих слов я многое понял. Эти люди пришли вытрясать долги из врача. Не из криминального авторитета, чьё тело я занял.

— Да тот, тот! Не сомневайся, — махнул рукой Димон. — Фамилия сходится, место работы — тоже. Просто залёг на дно, лоск навёл. Думает, если в больничку спрятался, то Палыч про него забудет.

Я зацепился за имя. Палыч. Понятия не имею, кто это. И лично я не имею с их нанимателем ничего общего.

Но для них я был тем самым Астаховым, который совершил фатальную ошибку. Вопрос только в том — какую?

— Ты чего, мозгоправ? Думаешь, реально бессмертный? — крупный сделал шаг вперёд. Встал вплотную ко мне. — Мало того что ты с женой Палыча кувыркнулся, пока он на сделке был, так ты ещё и сейф его обчистил, когда сваливал. Палыч — мужик серьёзный. Бизнесмен саратовский. Или ты не знал? Он, вообще-то, за такое не просто убивает. На части разбирает. Понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.